

ДЕВУШКИ

согласные на все

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

- МОЖЕТ БЫТЬ, ОНИ
МЕЧАЮТ СТАТЬ
ЗВЕЗДАМИ ПОДИУМА?

- КОНЕЧНО! И ИМЕННО
ПОЭТОМУ СОГЛАШАЮТСЯ
ДЕМОНСТРИРОВАТЬ
ПЕРЕД КАМЕРОЙ СВОИ
ИНТИМНЫЕ МЕСТА...

ОНА ИДЕАЛЬНО
ПОДХОДИЛА ДЛЯ
ФИЛЬМА И,
КАЖЕТСЯ, БЫЛА
СОГЛАСНА НА ВСЕ...

Маша Царева

Девушки, согласные на все

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298762
Девушки, согласные на все: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-40977-8*

Аннотация

Если не хватает удачи и таланта стать кинозвездой, зато смелости и амбиций – через край, можно попробовать себя в «низких» жанрах. Съёмки в порнофильмах могут стать первой ступенькой к настоящей славе, а могут – лестницей на самое дно. Все зависит от характера. В этом бизнесе, как в волчьей стае, не терпят слабаков. В романе «Девушки, согласные на все» Маша Царева показывает этот бизнес глазами начинающей старлетки, и опытной актрисы, и модного фотографа, для которого режиссура запретных фильмов – вторая, тайная, жизнь. Кто-то из них добьется успеха, а кто-то – потеряет все.

Ранее это произведение выходило под названием «Девушки, согласные на все, или Капкан для охотника».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	21
Глава 2	60
Глава 3	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Маша Царева

Девушки, согласные на все

Пролог

Женщины часто опаздывают. Красивые женщины – особенно часто. Ну а если ожидаемая кем-то красотка ко всему прочему является знаменитостью, если к ее образу давно и прочно приклеен ярлык «секс-символ», тогда она скорее съест на завтрак собственные чулки, чем явится вовремя. Так думал Кристофер Магnum, обозреватель глянцевого многотиражного журнала «Светские хроники».

В маленькой кофейне на Пикадилли было по-утреннему немногочленно. От душного пряного аромата кофе немного кружилась голова. Снулая официантка меланхолично подкрашивала губы, растянув их в неестественной обезьяньей гримасе, чтобы помада ложилась ровнее. Пожилая уборщица вяло расставляла по столам вазы с салфетками. По непонятной причине хозяин-шутник решил обрядить ее в форменный целомудренно-розовый халатик-мини, который бесстыдно оголял ее узловатые варикозные ноги. Кристофер сидел за столиком у окна и безостановочно курил. Перед ним выстроилась батарея пустых чашечек из-под эспрессо – нервничая, Крис потреблял кофе в опасном для здоровья

количестве.

А сейчас он нервничал и сам себя за это ругал. Причиной его появления в этом не слишком уютном месте было редакционное задание. Кристофер должен был взять интервью у особы, которая лично ему казалась недостойной появления в таком авторитетном и популярном издании, как «Светские хроники». Даже несмотря на то что имя этой женщины гремело на всю Европу и каждый раз при его упоминании мужчины многозначительно переглядывались.

Вот уже несколько лет Кристофер вел в журнале рубрику «Один на один»; его острые, с легким оттенком скандальности беседы со знаменитыми политиками, артистами, писателями пользовались бешеной популярностью. Публика, порядком уставшая от чернухи, негласно заклеившая папарацци, с восторгом принимала эти интеллигентные и одновременно полные сарказма диалоги. Его называли гением интервью, магистром словесного поединка. Невероятно, но за четыре года существования рубрики ни один собеседник Криса не подал на журнал в суд! Хотя иногда Магнуму удавалось вытянуть из расслабившихся в его присутствии звезд такие жареные факты! Почему-то они ему доверяли. Может быть, все дело во внешности? Он выглядел как студент-отличник, не интересующийся поцелуями в задних рядах кинотеатра и вечеринками с пивом, марихуаной и любительским стриптизом на десерт. Элегантно растрепанные блондинистые волосы, немного растерянные пронзительно-голу-

бые глаза за толстыми стеклами очков – он производил впечатление несколько отрешенного от мира добрячка. И большинство из интервьюируемых им персонажей поздно спохватывались, обнаружив под этой привлекательной маской жесткое перо и ядовитый юмор. Да Кристофер и сам был почти звездой – о его личной жизни охотно сплетничали журналы калибром поменьше, его иногда узнавали на улицах.

И вот теперь – такая неприятность. Главный редактор заказал материал о почти легендарной личности с наисквернейшей репутацией. Правда, Фелисидад (вероятно, это был ее псевдоним) никоим образом не могла считаться звездой в полном смысле этого слова. Ее фотографии не публиковались на обложке журнала «Пипл», и ей не светило стать почетным гостем в популярном утреннем телешоу. Однако имя ее у всех на устах. Потому что Фелисидад была знаменитой порноактрисой.

Перед встречей с ней Кристофер, будучи хорошим журналистом, не без легкого отвращения просмотрел все ее фильмы. Девушка не показалась ему ни привлекательной, ни роковой. Толстовата, бледновата, слишком ярко накрашена. Большинство фильмов с ее участием были черно-белыми. В отличие от других порнокартин, в них даже присутствовали элементы некоторой сюжетной линии. Андеграундные критики были от этой Фелисидад в полном восторге: почему-то порнушка в ее исполнении казалась им высоким искусством.

А Кристофер даже не подозревал, с чего начать разговор с

той, чья профессия – бесстыдно раздвигать ноги перед миллионом мужчин. С той, чьи гениталии прославились на всю Европу. С той, которая заработала целое состояние, трахаясь перед кинокамерой. Эта прихоть главного редактора казалась Крису, считавшему себя интеллектуалом, чуть ли не оскорбительной...

– Доброе утро. Извините, я немного задержалась. Какой-то идиот запер на парковке мою машину...

Девушка, остановившаяся перед его столиком, выжидательно молчала – предоставила возможность галантно отодвинуть для нее стул. А Крис («Идиот! Какой идиот!» – ругал он себя потом) с минуту размышлял, прежде чем предложить ей сесть. Наверное, в первый момент он просто растерялся и не сообразил, что это и есть знаменитая Фелисидад.

Она оказалась совсем не такой, как он себе представлял. У нее было простоватое милое лицо: большие глаза неопределенно-серого цвета, бледные веснушки, неаккуратно рассыпанные по миниатюрному кукольному носу, тонкие, но красивые губы, каштановые, с рыжеватым отливом волосы, стянутые в небрежный хвост. Отдельные пряди выбились из сделанной наскоро прически и мягкими пружинками змеились вдоль ее слегка пухлощекоего лица. Он знал, что ей никак не может быть меньше двадцати. Но она смотрелась девчонкой, почти школьницей!

Фелисидад предпочитала неброский спортивный стиль

одежды. Джинсы, просторный интеллигентно-синий пуловер с логотипом какого-то яхт-клуба, вышитым на груди. Ее ботинки были дорогими, добротными, но несколько, пожалуй, старомодными. И никаких красных кожаных шортиков, сережек в выставленном на всеобщее обозрение пупке и сумочек из лакированной кожи аллигатора – всего того, что, казалось бы, должно нравиться девушке ее профессии. *Знаменитой* девушке, обладающей к тому же круглым счетом в банке.

Пока Крис с репортерской беззастенчивостью ее рассматривал, Фелисидад бойко диктовала подоспевшей официантке:

– Два круассана с сыром, капучино, свежий морковный сок со сливками, шоколадный штрудель...

Она довольно бегло изъяснялась по-английски, лишь едва уловимый славянский акцент намекал на ее происхождение.

– Вы не соблюдаете диету? – вырвалось у Кристофера.

Он и правда был немного удивлен: весь мир буквально сходит с ума по здоровому образу жизни, сидеть на диете стало модным. Что только не заказывали себе женщины-звезды, которых ему приходилось интервьюировать! Тушеный шпинат, виноград, фаршированный тофу, неочищенный неаппетитно черный рис... Все обезжиренное, обесхолестериненное!

– Нет, а зачем мне? Я не полнею. – Она улыбнулась, и он отметил, что улыбка у Фелисидад приятная. Зубы ровные,

белые и, кажется, свои.

– Не возражаете, если я включу диктофон?

– Нет, конечно. Это же ваша работа.

Крис спрятал неловкость за чередой суетливых движений. Наконец диктофон был водружен на стол. А он по-прежнему не знал, с чего начать разговор.

– Вы ведь родом из России? – Он кашлянул, деликатно прикрыв ладошкой рот. – Из Москвы?

– Нет, я родилась в маленьком городе.

Многословием она не отличалась. Кристофер чувствовал себя студентом-практикантом, впервые пришедшим на интервью.

– А теперь, стало быть, постоянно живете в Лондоне?

– Да. – Она с аппетитом надкусила сырный круассан.

– Вы чувствуете себя уютно здесь? Вам нравится Лондон?

– Если есть деньги, везде себя уютно чувствуешь, – усмехнулась Фелисидад, и Крис подумал: «Уже кое-что!»

– Любите тратить деньги?

– Кто ж не любит?

– На что вы обычно тратите? Какие три ваши последние покупки?

Она на пару секунд задумалась, размешивая сахар в капучино.

– Три последние?... Новый поводок для моей собаки Джереми – я всегда мечтала иметь собаку... Так, потом компакт-диск с джазовым концертом. И зонтик. Никак не могу

привыкнуть к вашей сырости.

– Я думал, кинозвезды предпочитают скупать бриллианты. А у вас – зонтик, поводок. – Крис хотел ей польстить, но Фелисидад даже не улыбнулась. – Честно говоря, я вас не сразу узнал, – неловко кашлянул Магнум. Куда делась его знаменитая хватка? – Вам нравится выглядеть... скромно?

– А вам? – усмехнулась она. – Поймите, ведь кино – это всего лишь моя работа.

– И все-таки. У многих молодых девушек, на которых вдруг свалились деньги... так сказать... едет крыша. Им хочется всего и сразу. Или в России вы тоже жили роскошно? Наверное, вы из богатой семьи? Новые русские, да?

– О нет! – рассмеялась Фелисидад. – У моей семьи не было даже квартиры с отоплением. Знаете, окраины русских провинциальных городков похожи на деревню. Деревянные двухэтажные дома, туалет на улице. Половину такого дома и занимала моя семья...

– Собственный дом? – не понял Крис.

– Что-то вроде этого.

– Но теперь ваша семья, наверное, в Лондоне? Вы их сюда перевезли?

– Нет.

– Значит, вы часто их навещаете, – резюмировал Кристофер. – Скажите, а родственники видели ваши фильмы? Там, на родине, вы, наверное, национальная героиня?

Кристофер намеренно подлил масла в огонь. Он ожидал,

что девушка занервничает и ляпнет что-нибудь такое, о чем предпочла бы умолчать. Что-то такое, что потом – в художественно обработанном виде – обязательно появится на страницах «Светских хроник».

Но Фелисидад нисколько не смутилась.

– Знаете, я не была в своем родном городке несколько лет. Но сомневаюсь, что его жители могли видеть мои фильмы. Кассета стоит слишком дорого, да и немодно это у нас... В смысле, никто так не развлекается. А насчет моей семьи... Если можно, я не хотела бы об этом говорить.

– Но почему? – Он, казалось, искренне удивился. Наверное, любого другого журналиста, задавшего подобный вопрос, смело можно было бы обвинить в настырности и хамстве. Но не Кристофера Магнума. У него были такие удивленно распахнутые голубые глаза, окаймленные трогательно светлыми ресничками, такое наивное лицо...

– Если честно... Не знаю, стоит ли вам об этом писать. Но, вообще-то, я не поддерживаю отношений со своей семьей!

Лицо Фелисидад потемнело, уголки губ поползли вниз – отсутствие улыбки делало ее в сотню раз менее привлекательной. «Даже странно, как на нее вообще обратили внимание кинодельцы, – в очередной раз удивился Крис. – Почему именно эта серая мордашка показалась им достойной славы?» Он так и отметил в блокноте, который держал на коленях: «Первое впечатление – невзрачна».

А та, кому, по мнению Криса, никогда не светило про-

слыть русской красавицей, тем временем взяла себя в руки и улыбнулась:

– Да, Кристофер. Если можно, не стоит говорить о моей семье. Я готова ответить на любые вопросы, даже самые нескромные – подозреваю, что таких может найтись много... С вашего позволения, закажу себе еще пирожных. Я сегодня не завтракала.

– Да, конечно... Что ж, если о семье вы говорить не желаете... – смирился он. – Но ведь какие-то близкие люди у вас, вероятно, есть... Я имею в виду...

– Имеете в виду, наличествует ли богатый любовник, который финансирует мои картины? – прочла она его мысли. – Вы же удивлены, что я оказалась такой? Ведь я вовсе не кажусь вам привлекательной...

Не было в ее голосе обиды, и она вовсе не пыталась вытянуть из него комплимент – так ему показалось. Просто констатировала факт.

– Почему вы так...

– Я же вижу, – рассмеялась Фелисидад. – На красивых женщин по-другому смотрят. Как на потенциальных любовниц. Я, наверное, вас разочарую, но никакого богатого любовника у меня нет.

«Не так проста, как кажется, – записал в своем блокноте Кристофер, – а может быть, просто хочет казаться умной!»

– Хорошо, богатого любовника у вас нет. А как насчет бойфренда? С кем-то ведь вы встречаетесь?

- У меня много друзей, – расплывчато объяснила она.
- Друзей-мужчин? – не отставал Кристофер.
- Друзей-мужчин и друзей-женщин.

Внезапно она накрыла его руку, покоящуюся на столе, своей. Ладонь у нее была мягкая и горячая, ненакрашенные ногти оказались коротко подстриженными. Крис от неожиданности машинально выдернул руку. Это было так непрофессионально! Обидеть героиню интервью! Теперь она замкнется, и ничего он из нее не вытянет!

Но этот брезгливый жест был инстинктивным. Просто Кристофер вдруг представил себе миллион мужчин, которых ласково гладила по обнаженным спинам вот эта самая влажная ладонь. Миллион требовательных языков, которые раздвигали податливые мягкие губы этой девушки. Миллион настырных пальцев, исследовавших ее тело вдоль и поперек. Миллион пенисов, в конце концов, с которыми было знакомо ее гостеприимное лоно.

– ...Что ж, давайте поговорим о мужчинах... если вы не против.

– Как я могу быть против, если согласилась на это интервью. Я уважаю ваш журнал.

«Польстить хочет, – догадался Магнум. – Что ж, приятно, конечно, но это не добавит ей очков».

– Вы помните, сколько у вас было мужчин?

– Приблизительно, – она даже не смутилась. – То есть вы имеете в виду *моих* мужчин или партнеров по фильмам?

– А есть какая-то разница?

– Конечно. Вам покажется странным, но я довольно строга. Я не из тех, кто напрашивается в койку после совместного похода на танцы. Честно говоря, соблазнить меня нелегко.

– Ну, вы просто, должно быть, устали от секса. Секс – ваша профессия. Вам, наверное, как-то по-другому хочется отдышаться?

Она вдруг расхохоталась, словно услышала смешной анекдот. Крис начал сердиться. Он ее старался задеть, но у нее, похоже, был крепкий панцирь. Ничем не пронять. А только разозлившийся или растерявшийся человек способен сказать правду – Крис это точно знал. И в сущности, его задачей было подставить герою интервью подножку – так, чтобы он больно брякнулся голыми коленками об асфальт и сам же умудрился этого не заметить.

– Вовсе нет, – вернулась Фелисидад к разговору. – Я такая же женщина, как и все. И потом, голый секс для меня ничего не значит. Может быть, это вам покажется пошлым – в наше-то время, – но я за любовь. Партнеров по фильмам, мужчин, с которыми я спала, было много. Точную цифру не назову, скажу только, что больше сотни. А мужчин... Мужчина у меня был один.

Она замолчала и уставилась в стол. Ей подали круассан, и Фелисидад ухватила за золотистое тесто, как за спасательный круг. Принялась энергично жевать, не глядя на журналиста.

«Это уже становится интересным», – подумал заинтригованный Кристофер. Даже название для этой статьи неожиданно появилось: «Почти девственница». А что – звучит эффектно.

– Один? – переспросил он, увидев, что девушка не собирается продолжать откровенничать.

– Один, – подтвердила она, вздохнув. – Но это было давно. Мы больше не общаемся.

– Детская влюбленность? – догадался Кристофер.

– Нет. Любовь. Настоящая любовь.

– Не хотите рассказать историю ваших отношений? Как вы познакомились и почему в него влюбились?

– Не знаю... Наверное, я плохой собеседник. Все, что я говорю, кажется мне лишним.

– У вас должно быть немало поклонников. Неужели никто вас не интересуется? Ну вы же ходите на свидания? – Он намеренно резко перевел разговор на другую тему, собираясь попозже вернуться к этому роковому загадочному мужчине. – Вы же молодая интересная женщина, вам наверняка нравится где-то появляться.

– Вы когда-нибудь влюблялись с первого взгляда, Кристофер? – вдруг спросила она. – Вот так, чтобы сразу и надолго? Словно вас кипятком ошпарили...

– У меня есть девушка, – невпопад ответил он. – Ее зовут Кортни, она модель.

– Значит, не влюблялись, – подытожила порнозвезда. –

Жаль. Вы бы меня тогда лучше поняли...

– А он?

– Знаете, меня ведь никто до этого, в сущности, и не любил. Мать считала меня тунеядкой. Мальчики? Конечно, нравилась я кому-то, но это был не такой интерес... Подруги? Была одна, которая в итоге подложила мне свинью. Мелкую такую хрюшку. Но об этом, пожалуй, писать не стоит. Обо мне никто не заботился, понимаете? Поэтому меня сразу подкупил его взгляд. Он волновался обо мне. Я столько всего себе про него насочиняла! Все о нас с ним думала, о нашем возможном будущем. О том, как он сделает мне предложение, несмотря ни на что. Как мы будем жить долго и счастливо и умрем, по закону жанра, в один день...

– Так вы мечтательница? – улыбнулся Кристофер.

– Бывает. Вообще-то, это было необычное чувство... Слишком быстро все произошло. Вот я стою одна на дороге, и ничего у меня нет, даже будущего. А уже через несколько минут в жизни какой-то смысл появился. Так только в кино бывает. И у меня. Я дура.

– Ну зачем вы так?

– Потому что так оно и есть.

Они замолчали.

Странное это было интервью.

Кристоферу казалось неуместным задавать вопросы, когда она вот так задумчиво молчит. А ей, похоже, вообще было все равно. Она не пыталась произвести на него какое-то

впечатление. Просто вспоминала что-то – словно сама с собою вслух разговаривала. «Может быть, назвать материал «Разговор с самой собою»?» – подумал Крис.

Они молчали. И каждый думал о своем. Фелисидад – о себе и о том, на какую странную роль определила ее судьба. Она ведь, в сущности, всегда, сколько себя помнила, просто плыла по течению. Не было в ней ни честолюбия, ни карьеризма. Мямля, медуза, переваренная макаронина... А Кристофер вдруг вспомнил о своей девушке Кортни. Она была совсем не похожа на эту странную Фелисидад. Наверное, они бы друг другу не понравились. Кортни улыбочивая, но сдержанная – слова лишнего не скажет. Лицемерна немного, как он недавно с удивлением заметил. Она красива, куда до нее этой порноактриске! Точеное личико, высокий белый лоб, огромные глаза – зеленые, как у ведьмы. Густые цыгански-черные волосы. Модельеры от нее без ума – кажется, Кортни даже собирается участвовать в Неделе высокой моды в Париже. Но нет в ней огня. Она, привыкшая к поклонению, к своей редкой красоте, почему-то считает необходимым экономить эмоции. Кортни – эгоистка. И она ни за что не влюбилась бы в него, Кристофера, не будь он знаменитым журналистом. И никогда она не влюбилась бы с первого взгляда в мужчину, совершенно ей незнакомого. Нет, Кортни сначала разузнала бы о его социальном статусе, марке авто, любимом дизайнере и номере банковского счета. У юной Фелисидад был аппетит гладиатора. Она с невероятной

скоростью поглощала калорийные вкусности. И Крис поймал себя на мысли, что ему приятно на это смотреть. Кортни вот, худенькая, бескровная Кортни, питалась строго по часам и маниакально высчитывала потребленные ею калории. У нее даже была особенная секретная тетрадка, куда она записывала все съеденное за день. Однажды он в тетрадку эту заглянул – ее записи напоминали безрадостное меню оздоровительной столовой для язвенников.

И почему-то Кристоферу стало грустно. То есть не то чтобы грустно в полном смысле этого слова, но все же тоскливо как-то. «Может быть, это из-за того, что который день идет дождь?» – предположил он.

Крис посмотрел на Фелисидад, маленькими глотками потягивающую обжигающий кофе из традиционной английской фарфоровой чашечки. И вдруг понял, что она думает о чем-то своем. «Странная девушка, – с некоторым раздражением подумал он. Кристофер гордился своей хладнокровностью и терпеть не мог, когда кто-то пытался поставить его в неловкое положение. – Блаженная какая-то!»

А Фелисидад действительно была далеко отсюда. Словно забыла о журналисте, сидящем напротив и жадно ловящем каждое ее случайно вырвавшееся слово.

Он показался ей вполне милым, этот журналист. И все-таки она ругала себя за то, что согласилась на это интервью. Да она бы и не согласилась никогда, если бы не уговоры ее киноагента – ведь это замечательная реклама. Но она не при-

выкла давать интервью. Чувствовала себя несколько скованно и, кажется, наговорила лишнего.

Ну зачем, зачем угораздило ее упомянуть о том мужчине? Ведь это было так давно, где он теперь? Может быть, умер даже, а она и не узнает никогда. Ну что ей стоило с легкомысленным видом прощebetать о поклонниках и вечеринках! Шопинге, необременительных романах, диетах, тренажерных залах и легких наркотиках! Именно этого он от нее и ждал. А она... Вытащила на свет ту всеми давно забытую историю, которая в свое время причинила ей столько боли.

Фелисидад отодвинула от себя пустую чашку и задумчиво уставилась в окно. Мимо кофейни спешили хмурые люди – они прятали лица в воротники, держали зонтики перед собой, чтобы косые прохладные струи дождя не попадали в лицо.

Внезапно чей-то пристальный взгляд ожег ее, словно укусы ядовитой медузы. На другой стороне улицы, прямо напротив окна, возле которого сидела Фелисидад, стоял мужчина. Он смотрел на нее, и взгляд его был бессмыслен, как остановившиеся часы. Он был светловолос, бедно одет и почти дистрофично худ. Она даже не сразу его узнала. А когда узнала, вздрогнула, словно через нее пропустили электрический ток.

Нет, не может быть... Только что она о нем вспомнила. И вот он уже здесь, пришел за ней. Зачем? Извиниться? Отомстить?

– С вами все в порядке? – спросил Кристофер. Ему по-

казалось, что у сидящей напротив порнозвезды вдруг начался приступ какой-то странной болезни. Словно ей воздуха вдруг не хватило – и девушка судорожно раскрывала рот, как выброшенная на берег огромная рыба.

Она его не слышала. Прошное вернулось за ней. Ей казалось, так давно это было, что она даже стала забывать детали. Но, увидев этого человека, вдруг вспомнила все, словно это произошло вчера.

Что за странная история? Она даже не смогла бы сказать наверняка, в какой конкретно момент все началось. Глухой удар, вспышка света – и последовавшая за всем этим вязкая густая темнота. Кажется, она лежала лицом вниз на асфальте...

Глава 1

Девушка лежала лицом вниз на асфальте. Ее левая рука странно вывернулась, в распущенных каштановых волосах запутались комочки грязи. Не по погоде легкая ветровка была порвана и сильно испачкана, одна нога отчего-то босая, на второй был изрядно поношенный ботинок из недорогой грубой кожи.

Увидев этот ботинок, мужчина едва не разрыдался от досады. За обувью, не имеющей ничего общего с банальным женским кокетством, просматривался назойливый видеоряд – скромная воспитанная девушка из приличной семьи, зачетка с преобладающими в ней надписями «отлично», трепетные родители, любящие друзья. Все они будут плакать в суде, жаловаться, биться в истерике и призывать на его голову все возможные проклятия...

Все произошло так быстро. Он ехал по рассветному пустынному проспекту в сторону центра, слушал какое-то расслабляющее радио, курил. Он мог бы поклясться, что улица была пуста. Но вдруг – глухой удар, и машина скользнула влево так, что он больно ударился плечом о дверь. Он машинально вдавил педаль тормоза, с визгом автомобиль остановился. Леденя, мужчина выбежал на улицу и увидел ее – похоже, мертвую.

Черт, черт, черт!!!

Внезапно девушка тихонько застонала и попробовала пошевелиться.

Он бросился на колени, не думая о безумно дорогих ита-нах из последней коллекции «Кензо». Потряс ее за плечо, осторожно, очень осторожно развернул ее лицом к себе – а вдруг у дуры-самоубийцы сломан позвоночник? В том, что девушка эта – неудачливая самоубийца, он отчего-то не сомневался. В том, что она дура, тем более.

Он огляделся вокруг – никого. Но это ненадолго – Ленинский проспект даже ночью – улица довольно оживленная.

В тот момент он и сам не понимал, что делает, – наверное, именно это состояние и называется состоянием аффекта. Он поднял неподвижное тело и не слишком нежно положил на сиденье рядом с водительским. Потом вернулся за руль и припарковал машину на обочине.

Кажется, никто ничего не заметил. Теперь можно было спокойно подумать, что делать дальше. Если бы он остался размышлять посреди дороги, то через несколько минут вокруг точно собралась бы толпа, кто-нибудь вызвал бы милицию. И объясняй потом, что девка сама под колеса кинулась!

Ресницы ее дрогнули, на секунду она открыла глаза и ословело на него уставилась.

Он улыбнулся, широко и приветливо:

– Очнулась? Хорошая девочка, с тобой все будет в порядке, вот увидишь. Только не вздумай отключаться.

Девушка несколько раз моргнула и вновь закатила глаза. Мужчина вздохнул и завел машину. Правильно ли он поступает? Может быть, все-таки стоит отвезти ее в больницу? Конечно, она жива, но это еще ничего не значит. У нее может оказаться какой-нибудь перелом – одно неловкое движение, и сидеть ей в инвалидном кресле. В таком случае ему с ней вовек не расплатиться. Или сотрясение мозга. Вот упадет в кому, тогда его вообще посадят.

– Вы... Вы кто? – вдруг совершенно ясным голосом спросила девушка.

– Добрый волшебник, – облегченно вздохнув, усмехнулся мужчина.

Двадцатого января, во вторник, где-то около полудня по московскому времени у светского фотографа Филиппа Меднова остановились часы. Это был дурной знак. Несколько секунд Филипп тоскливо таращился на замершую стрелку, потом, вздохнув, расстегнул ремешок. Часы придется оставить дома.

Беспричинная кончина тысячедолларового «Ролекса» (водонепроницаемого, золотого) – это еще хуже перебежавшего дорогу черного кота. Филиппу сразу понять бы намек своего ангела-хранителя. Может быть, тогда и не случилось бы ничего. Может быть, и не было бы никакого ночного проспекта, визжащих тормозов и ненормальной девчонки-самоубийцы...

Но нет – Филипп Меднов не из тех, кто верит в приметы. Как обычно, он тщательно побрился, расчесал густые светло-русые волосы влажной щеткой, натянул любимые джинсы от «Кензо». Упаковал в свой стильный кожаный рюкзак парик и коробочки с гримом.

Улица встретила сырым ветром со снегом и чавкающей под ногами слякотью.

Прощайте, ботиночки, светлые, замшевые, мелькнуло в голове. Прошлогодня коллекция «Прада», двести долларов на рождественской распродаже. Остановившись возле машины – пижонской спортивной «Мазды» алого цвета, Филипп вдруг – бывает такое – ощутил спиной чей-то внимательный взгляд на себе. Обернулся – нет никого.

– Совсем нервы разгулялись, – сказал Филипп вслух, чтобы как-то себя успокоить.

Он уже собирался сесть за руль, когда заметил сложенный вчетверо листок, белеющий на лобовом стекле. Развернул его обреченно, заранее чувствуя какой-то подвох. Записка была напечатана на компьютере и состояла из единственной фразы, хлесткой и лаконичной: «Я знаю, чем ты занимаешься, подонок, и я тебя разоблачу!»

Филипп прибыл в фотостудию журнала «Фамм» с пятнадцатиминутным опозданием. Куртка, несмотря на промозглый день, распахнута, через плечо перекинута штатив на стильном серебристом ремне.

– Всем привет! – дежурно улыбнулся. Пожал руку главному редактору, серьезной сорокалетней красавице. Поцеловал в пахнущую пудрой щечку знакомую фотомоделю. Заказал себе свежавыжатый сок. Все это он делал на автомате, не задумываясь.

Фотомоделю, хорошенькая блондинка, построила ему глазки. Филипп немедленно отреагировал на агрессивное кокетство – подошел к ней сзади и поцеловал девушку в шею. Она вздрогнула и попыталась к нему прижаться, но он шутиливо хлопнул ее по обтянутой джинсами попке и отстранился.

Ему было на нее наплевать. Неписанные законы светского этикета диктовали ему быть милым с податливыми красотками. Учитывая, что Филипп считался одним из самых успешных московских фэшн-фотографов, большинство красавиц были к нему благосклонны. Пылко целовать их наманикюренные пальчики, разбрасываться двусмысленными комплиментами было для него так же естественно, как почистить утром зубы. Кто бы знал, как раздражали его все эти девицы на самом деле!

Взять хотя бы вот эту, сегодняшнюю. Кажется, ее зовут Лиза и она числится в десятке самых высокооплачиваемых «вешалок» Москвы. Худошавая блонда нордического типа с хитрющими голубыми глазами и веснушками на курносом носу. Ей лет семнадцать, не больше. Она кричаще красива и столь же кричаще глупа. Но при этом пользуется ошелом-

ляющим успехом у мужчин – а кому не хочется появиться где-нибудь в обществе эльфаподобного создания, грациозно вышагивающего длиннющими загорелыми ножками.

– Я была на днях в Риме! – звонко похвасталась она, пока визажист размахивал огромной кистью над ее лицом. – Так понравилось, так понравилось, ты не представляешь, Филя!

– Рим – вечный город, – машинально ответил он, наводя фокус. – Ну и где побывала? В каких музеях?

– В музее Версаче! – расхохоталась Лиза. – Какие музеи, Филя? Я была там всего три дня! Едва хватило времени обежать все магазины! В Риме надо делать шопинг! Лучший шопинг в Европе!

– Милочка, не могли бы вы минутку помолчать? – перебил ее визажист. – Мне надо подправить губы.

Лиза не обратила на него никакого внимания, как ни в чем не бывало продолжая рассказывать о своем потрясающем вояже:

– Купила юбку из страусиной кожи! Прикинь, Филь, из страусиной! И сапожки к ней, с открытой пяткой. Это сейчас в Европе очень модно, ну а в Москве, конечно, диковато смотрится. До нас вообще все доходит в последнюю очередь, – она брезгливо сморщила носик. – Филь, у меня в аэропорту был перевес тридцать килограмм! Столько шмоток накупила. Восемнадцать платьев! Одно мне особенно нравится, такое желтое, с вырезом...

Визажист умоляюще взглянул на Филиппа – болтливая

девчонка тормозила безупречно отлаженный рабочий процесс. Филипп знаком показал ему: отодвинься, не мешай. Визажист явно обиделся, но виду не подал. Пожал плечами и отошел к столику, на котором стояли запотевшие бокалы с шампанским и тарелки с канапе.

Лиза продолжала щебетать, а Филипп смотрел на нее в объектив. У девушки было такое вдохновенное лицо, когда она рассказывала о новых нарядах! Так возбужденно горели ее глаза, так алели щеки, так взволнованно вздымалась грудь! Она словно в любви признавалась или читала гениальные стихи!

В такие моменты ее и надо фотографировать, решил Филипп. Специально ей ни за что не сыграть такое вдохновение. Она, конечно, красавица, но актриса никудышная... Лиза даже не заметила, что ее фотографируют. Она думала, что Филипп просто «прицеливается», и держалась непринужденно.

– Стоп. Снято! – вдруг сказал Филипп.

В студии воцарилась тишина.

– Что значит «снято»? – приблизилась к нему главный редактор.

– Снято – значит, снято, – снисходительно улыбнулся Филипп, собирая аппаратуру. – Это значит, что я свою работу закончил.

– Но мы рекламируем джинсы! – попыталась возразить она. – Надо было поснимать ее в разных позах, со спины, в профиль... Как обычно...

– Вот именно, как обычно! – весело воскликнул он. – А я хочу, чтобы получилось что-то невероятное! Сами увидите, когда посмотрите отпечатки! На этих снимках она живая, она смеется. Не просто загримированная кукла.

Он говорил с такой уверенностью, что «железная леди» засомневалась.

– Но вы не проработали и пятнадцати минут. Ваш гонорар составляет четыреста долларов. Четыреста долларов за пятнадцать минут работы!

– Думаете, качество фотографий зависит от потраченного времени? Дорогая, не сомневайтесь, это будет просто удивительно! Разве я когда-нибудь делал свою работу плохо?

Наконец и Лиза заметила, что происходит нечто непонятное. Фотограф вдруг начал торопливо складывать штатив, тогда как, по ее мнению, съемка еще и не началась.

– Что за чертовщина? – взвилась она. – Филя, ты куда?

– Милая, увидимся! Ты была великолепна.

– Что-о? Ты хочешь сказать, что сфотографировал меня с ненакрашенными губами?!!

– Косметика тебя портит, – усмехнулся Филипп, втайне мечтая о том, чтобы красавица вдруг стала немой. У фото-модели был неприятно визгливый голос.

– Филя, ты не имеешь права! – Она сорвалась с места и преградила ему дорогу. – Сейчас же останься и сделай все как надо! Я же буду выглядеть на снимках, как какая-то... лохушка!

Он попытался мягко отстранить ее, но у Лизы была удивительно крепкая хватка. Кроваво-красные ноготки больно впились в его запястье. Машинально он выдернул руку и едва не закричал от ужаса – красные ноготки с тихим стуком посыпались на пол. Филиппа даже перекосило от неожиданности – наверное, так чувствует себя герой классического тошнотворного ужастика, когда видит отрубленную, зловеще хохочущую голову. И только через несколько секунд до него дошло – ничего страшного не случилось, ногти-то накладные, пластмассовые. Страх уступил место беспричинному веселью.

Развеселились и главный редактор, и визажист.

– Милая, почему с твоими деньгами ты не могла сделать себе гелиевые или акриловые ногти? – поинтересовался визажист. – Они куда прочнее! Зачем было приклеивать этот кошмар? Чуть заикой всех не оставила!

Фотомодель суетливо ползала на четвереньках по полу, собирая ногти. Она отчего-то не разделила всеобщего веселья.

– Сволочи, – сквозь зубы прошипела она, поднявшись. – Думали, что получится меня унижить? Но мне наплевать на ваши мерзкие уловки. Я... – Внезапно Лиза рухнула на табурет, прикрыла лицо руками и принялась истерически всхлипывать: – Какой позор! Это ужасно! Такой позор!

И тут в голову Филиппа пришла еще одна идея. Он направил объектив на рыдающую модель.

– Лиза! – тихонько позвал он. – Лиз, смотри, что у меня есть!

Она оторвала ладошки от лица и повернула к нему голову. Лицо ее покраснело, нос распух, под глазами размазалась тушь, а на длинных завитых ресничках блестели слезинки. Как ни странно, и сейчас она выглядела красавицей. Капризная девушка-ребенок, само очарование...

Потом эта реклама прогремит на всю Москву. А рейтинг фотомодели Лизы взлетит до небес, ее пригласят работать в Париж. Рядом две фотографии – счастливая смеющаяся модель и она же заплаканная. Рекламщики и лозунг придумали соответствующий: «Джинсы Беллини – дай волю своим эмоциям!»

– ...Знаете, я думаю, вы гениальный фотограф. – Незнакомый женский голос прозвучал за его спиной. Филипп обернулся, готовый ответить очередной поклоннице снисходительной усмешкой.

Девушка, стоящая перед ним, была совсем молоденькой. И вовсе не такой красивой, как эмоциональная Лиза. У нее были длинные каштановые волосы, густая челка, из-под которой блестели темные глаза, немодно узкие жесткие губы, субтильная фигурка. Шея такая тоненькая, что, кажется, ее двумя пальцами можно обхватить. Она была одета в синие джинсы и вязаный недорогой пуловер. Она улыбнулась, а у Филиппа дыхание остановилось.

Нет, эта девушка совершенно ему не понравилась. Она

была слишком молода для того, чтобы вызвать в нем мужской интерес, слишком костлява, чтобы ему захотелось затащить ее в постель, слишком плохо одета, чтобы пригласить ее в ресторан или клуб. Просто она как две капли воды походила на другую женщину, ушедшую из его жизни давно и навсегда. И все же это была не она. Не она.

Он понял это, внимательно приглядевшись к ее лицу, и разочарованно вздохнул.

– Меня зовут... – девушка приняла его чересчур внимательный взгляд за внезапно возникшую симпатию и покраснела.

– Мне наплевать, как тебя зовут! – буркнул Филипп, сам не ожидая от себя такой грубости. Он, всегда предупредительный и в меру кокетливый, милый и интеллигентный, вдруг оказался таким хамом. Однако переиграть ситуацию не представлялось возможным, поэтому он суетливо засобирался уходить.

– Филипп, с вами все в порядке? – поинтересовалась главный редактор «Фамм», которую он едва не сбил на входе. Кажется, она слышала, как он нахамил этой девчонке, так похожей на ту, другую. Ту, о которой он вспоминать не любил. Ту, которая, как он считал, сломала его жизнь. Ту, которая носила необычное имя – Азия. Правда, скорее всего, имя было фальшивым. Филипп никогда не видел паспорта женщины, из-за которой был вынужден жить наперегонки со временем, чтобы не оказаться в плену агрессивно атакующих

воспоминаний...

Он покинул студию по-английски, оставив в недоумении обиженную девушку, главного редактора и заплаканную фотомоделю. Посмотрел на запястье и вспомнил, что часы остались дома.

Черт, не опоздать бы теперь. Филипп Меднов старался максимально наполнить свою жизнь событиями, работой, деловыми встречами, переговорами и редкими свиданиями с женщинами, ни одна из которых по-настоящему его не волновала.

Погода в этот день была на редкость отвратительной. Да и настроение – ей под стать. Карман не по-зимнему легкой ветровки оттягивали несколько монеток – семь рублей. Других денег у Евы не было и в ближайшее время не предвиделось.

Семь рублей – звучит как издевка. Можно на них мороженое в ларьке купить и, давась, глотать сладкие ледяные куски в безумной надежде подхватить двустороннюю пневмонию и тихо скончаться на руках взволнованных медработников. Можно сжевать резиновый палаточный хот-дог – это ненадолго согреет сонный измученный организм. Можно приобрести лотерейный билет, выиграть миллион долларов, перебраться на Голливудские холмы и сочетаться законным браком – с Брэдом Питтом, например. Можно...

Да что уж там, глупо строить планы, если жить осталось

несколько часов. Если все уже давно решено, а в потустороннем отеле забронирован номер – не класса люкс с видом на море, разумеется, но все-таки... Ева рассеянно огляделась. В последнее свое утро ей вздумалось отправиться на прогулку – она бездумно прошлась по Старому Арбату, который необъяснимо любила всегда. Свернула на Никитский бульвар, погрелась недолго в одном из милых маленьких антикварных магазинчиков. Неспешно шагала мимо золотистых шикарных витрин Тверской. А на углу Моховой улицы остановилась, замерзнув окончательно.

Прохожие не обращали на нее никакого внимания. Прятали покрасневшие носы в воротники, толкались, торопились. Знали бы они, подумала Ева, знали бы, что этой продрогшей, бедно одетой девчонке, которая стоит под дождем без головного убора, осталось жить всего ничего. Может быть, тогда они бы ее невольно зауважали. Как причастную (ну или почти причастную) к некой неразгаданной тайне, о которой сами они стараются пореже думать. Она даже приободрилась немножко, внезапно почувствовав некое странное превосходство над остальными.

Справа от нее был зловонный подземный переход: грязные телефоны-автоматы, ларьки с разноцветными безделушками, компания голосистых цыганок с золотыми зубами, притихший от холода бомж, сидящий на толстой картонной коробке, протянув в никуда немытую пятерню.

Слева – шикарный отель «Националь». Лакей в формен-

ной ливрее, стоянка для эксклюзивных авто, пузатые тузы под руку с тонконогими блондинками в норковых манто.

Сидя на ледяном мраморном парапете, Ева с любопытством наблюдала – бомж вяло почесывал свалявшиеся патлы, швейцар лихо подкручивал напомаженные усы. Вот прямо возле входа в отель остановился длиннющий лимузин. Рядом с другими машинами он смотрелся как тропический аллигатор в компании комнатных черепашек. Длинный, черный, блестящий, помпезный, как рояль в Большом зале консерватории. Даже странно, как это он умудрился остаться чистым на чавкающих талой грязью московских дорогах. Шофер, похожий на профессионального игрока НБА, открыл дверь, почтительно склонил голову и протянул руку. На его широкую ладонь легла крошечная женская рука. Холеная, с коротко подстриженными и выкрашенными в благородно-розовый цвет ногтями. На мизинчике блестел массивный перстень с огромным прозрачным камнем – неужели бриллиант?

Ева вытянула шею, приглядываясь, сама не зная почему. Словно в окно чужое заглядывала, пытаясь рассмотреть хоть одну картинку из чужой сладкой жизни.

– Что смотришь, девушка?

Ева вздрогнула и обернулась. За ее спиной стояла цыганка. Странно – обычно цыганок интересуют те, у кого деньги есть, хоть немного. Они деньги чувствуют. А что с Евы возьмешь?

– Да так... – она неопределенно пожала плечами и ин-

стинктивно отодвинулась.

– Погадать, что ли, тебе? – прищурилась цыганка. Она была еще совсем молодой, но, конечно, постарше Евы. Смуглая, золотозубая, черноглазая. Хитрая – сразу видно. Такая своего не упустит.

– У меня денег нет, – спокойно улыбнулась Ева. А чего нервничать, если ничем не рискуешь?

– Нет, – согласилась цыганка, – но скоро будут. Ты не бойся, я хорошо гадаю.

– Я и не боюсь. А деньги... Откуда им взяться-то? Раньше я стипендию получала, а теперь меня из института отчислили.

– Знаю. Давай сюда руку. Любую, любую. Ну чего улыбаешься? Я серьезно говорю.

Ева пожала плечами и протянула ладонь. Может быть, ей просто заняться нечем, цыганке этой? Пускай себе гадает, все равно самой Еве лучше известно ее будущее. Которого, в сущности, нет. Не считать же за будущее несколько часов, которые она собирается слоняться по мерзлому городу?

У гадалки были шершавые мозолистые ладони. Как будто бы она всю жизнь работала в поле. Длинные крепкие ногти были покрашены темно-бордовым лаком, кое-где он стерся, но цыганку, должно быть, красота маникюра не волновала. Еве невольно вспомнилась другая рука – хозяйки роскошного лимузина. Она скосила глаза в ту сторону – женщина уже вышла из машины. Она оказалась миниатюрной блон-

динкой, не слишком молодой, но прекрасно выглядевшей. Еще бы! Надо умудриться выглядеть старухой, когда у тебя столько денег! Чистые холеные волосы уложены в «ракушку», на лице цветет интеллигентный персиковый румянец – скорее всего, это просто дорогой тональный крем, потому что на колючем ветру такого румянца не бывает. Лицо богатой красавицы показалось Еве смутно знакомым. А может быть, просто похожа на кого-то...

– Не отвлекайся, девушка. На меня смотри, – скомандовала цыганка, водя грязным пальцем по Евиной ладони. – Жизнь твоя изменится. Сначала появится звезда. Это первый знак. Потом будет боль. Потом встретишь человека и полюбишь его...

Ева рассеянно слушала. Что она несет? Какая звезда, какая боль? Может быть, это своеобразное описание загробной жизни? Кажется, обычно говорят о каком-то тоннеле, а здесь звезда... И если так, при чем здесь «встретишь человека и полюбишь его»? Наверное, гадалка всем так говорит.

– Любовь, значит, встречу? – иронично переспросила она. – Прекрасного принца?

– Я про принца не говорила. Скорее это будет трюфевый король.

– Король? – изумилась Ева. – Вы же по ладони, а не на картах гадаете!

Цыганка внезапно рассердилась. Без улыбки она выглядела гораздо старше.

– А тебе не все равно? Что ты в этом понимаешь? Счастливой не будешь, – сказала она словно в отместку, но Ева не обиделась.

– Знаю.

– Не знаешь. Даже не можешь предположить. Сегодня.

– Что?

– Сегодня все и произойдет.

Неприятный холодок пробежал по Евиной спине. Сегодня... Откуда она может знать?

– Не то, что ты думаешь, – оговорила гадалка. – Тебе еще жить и жить. Долго. Не так долго, как мне, но все-таки. Я бы на твоём месте не жаловалась.

– Откуда ты знаешь? Ну, что я собираюсь...

– Ты что, дура? Я же сразу тебе сказала, что знаю все. А вот откуда, тебя не касается. Только предупредить тебя хочу: он совсем не тот, за кого себя выдает.

– Кто? – Еве вдруг стало жарко. Несмотря на морось, на ветер, на тоненькую куртку!

– Все, больше не скажу ничего. А теперь давай мой гоно-рар. Я дорогая гадалка, самая лучшая. Меньше сотни баксов не беру.

– Но я же сразу сказала – денег у меня нет.

– Нет? – вроде бы даже растерялась цыганка. – Ах нет? Ну не страшно. Значит, отдашь, как только появятся.

Ева пожала плечами и отвернулась. Все-таки в Москве полно чудаков. Даже страшно иногда становится.

А лимузиновая красавица тем временем плотнее закуталась в свою длинную шубку. Что это была за шуба – роскошь, мечта! Ева даже не знала, из меха какого именно зверя была сшита эта вещь. Вроде бы не норка, но как блестит! Может быть, шиншилла – говорят, мех шиншиллы самый дорогой...

– Да она искусственная, – ухмыльнулась цыганка – она, оказывается, все еще топталась за Евиной спиной. – Искусственная, не переживай.

– Вы еще здесь?

– А как же? Гонорара жду.

– Ну-ну.

– Не переживай, я своего всегда дождусь. А насчет шубки... У нее ауры нет.

– Как это?

– Так вот. У мертвой вещи всегда аура есть. Я смотрю на шубу, а вижу животное. А здесь... Так, ничего.

– Вам виднее, – вежливо пробормотала Ева и отодвинулась подальше. Боковым зрением она видела, что цыганка и не собиралась уходить. Словно кого-то караулила. Странная.

А женщина в волшебной шубке двинулась по направлению к подземному переходу. Вне лимузина, вне отельно-швейцарного мирка выглядела она несколько странно. На ней были легкие туфельки на шпильке – серебристые, нарядные, как у какой-нибудь сказочной принцессы. И в этих туфлях она шлепала прямо по лужам, не глядя под ноги. «Сра-

зу видно, что денег немерено, – не без некоторой неприязни подумала Ева. – Что ей эти туфли? Развалятся – другие купит! Если бы такие туфли были у меня, как бы я за ними ухаживала! Да и вообще, как только она не боится ходить по городу одна в своих бриллиантах и мехах?»

– А она не одна, – прокомментировала цыганка. – Целая делегация с нею. Чего бояться-то?

Ева даже не успела удивиться тому, как ловко гадалке удалось ответить на ее мысленный вопрос. Действительно, за женщиной она увидела довольно колоритную компанию. Приземистого мужчину в грязных штанах, на квадратном плече которого примостилась массивная профессиональная телекамера, и долговязую девицу, размахивающую обмотанным изолентой микрофоном. Красавица не обращала на них внимания и шла вперед уверенной походкой человека, привыкшего, что все его прихоти будут немедленно исполнены. Приблизившись к переходу, она порылась в кармане манто и извлекла на свет несколько мятых заманчиво-зеленых купюр. Доллары. У цыганки загорелись глаза. А вертлявая девица с микрофоном тем временем повернулась к камере. На ее чересчур сильно накрашенном лице появилась неестественно бодрая улыбка.

– Вы полагаете, что знаменитости живут где-нибудь на олимпе? – заговорила она, обращаясь к круглому зрачку объектива. – А вот и нет. В свободное от спектаклей, гастролей и интервью время известнейшая актриса Екатерина Лаврова

занимается благотворительностью!

Лимузиновая красавица мягко улыбнулась камере и направилась прямо к отвратительно воняющему бомжу.

«Так вот почему она мне знакомой показалась! – поняла наконец Ева. – Это же сама Лаврова!» Екатерина Лаврова была одной из самых знаменитых кино– и театральных актрис современности. Даже в свои «слегка за сорок» она умудрялась оставаться на плаву. Никаких рекламных роликов во славу майонеза, только главные роли.

– Екатерина Павловна, а вам денег не жалко? – Журналистка энергично ткнула микрофоном в лицо кинозвезде. Едва по ее носику точеному не попала.

– Денег? – растерянно переспросила знаменитость. – Как можно жалеть деньги, когда видишь такую нищету? – Она кивнула в сторону оробевшего бомжа. – Мне кажется, если все люди с достатком выше среднего начнут делиться, то жить станет гораздо легче.

– Bravo! – Репортерша едва не зааплодировала, но глаза ее оставались голодными и злыми.

Ева усмехнулась. А Лаврова протянула бомжу несколько купюр.

– Берите. Купите себе еды, одежды.

Тот недоверчиво выхватил из ее рук деньги, зачем-то их подозрительно понюхал и торопливо спрятал доллары за пазуху. Лаврова отступила назад и незаметно вытерла руку о белоснежный носовой платочек.

– И вы берите! – она протянула следующую купюру истово крестьящейся бабушке в залатанной телогрейке. – И вы. А это для вас...

Кинозвезда остановилась прямо напротив Евы. Та удивленно уставилась на протянутые деньги.

– Для меня?

– Ну да, – ободряюще улыбнулась Лаврова. – Да вы не бойтесь, назад не отберу. Наверное, не привыкли, что столько дают...

Она буквально всунула купюру – стодолларовую, между прочим, – в окоченевшую красную руку Евы. И отошла, тут же забыв о молоденькой попрошайке, мгновенно вычеркнув ее из своей глянцевої жизни.

Ева почувствовала, как едкий жаркий румянец залил щеки. Ее приняли за попрошайку! Нищенку! Позор! Конечно, ее одежда не в бутике дорогом куплена, а на вещевом рынке. Конечно, не блестит на ее губах дорогая помада, не припудрен ее покрасневший от холода нос и не завиты ресницы... Но поставить ее на одну ступеньку с вонючим бомжом?!

– Эй, девушка! Чего язык проглотила? Гонорар мой давай.

– Что?

– Оглохла? Гонорар плати, говорю.

Ева уже успела о ней позабыть, а дотошная цыганка все еще стояла за ее спиной. Глаза ее смеялись.

– У тебя же есть теперь деньги. Я что, бесплатно гадать должна? Нет, так не пойдет.

И словно во сне Ева протянула вперед руку, и влажная скомканная купюра вмиг оказалась в цепкой цыганкиной ладони. И тут же об этом пожалела.

Дура, дура, ну что за дура! Отдать последние деньги, чу-дом к ней попавшие, какой-то незнакомой шарлатанке! Да может быть, сам ангел-хранитель потрудился в поте лица, чтобы столкнуть Еву с этой щедрой Екатериной Лавровой! Да может быть, на эти деньги она выжить бы могла!

Но все эти мысли вдруг затмила одна – яркая и пугающая, как молния: звезда. Цыганка сказала, что сначала будет звезда. Звезда – первый знак. Ева-то тотчас же представила себе небесное светило, а ведь Лаврова эта – тоже звезда, по-другому не скажешь. И потом, цыганка стояла рядом с Евой и упорно ждала свой гонорар. Да и цену сразу назвала – сто долларов. Откуда она знать про такое могла? Так неужели все-таки...

– Подождите! – от волнения она даже охрипла. – Постойте!

– Спасибо, красавица! – Цыганка подобрала цветастые многослойные юбки и бросилась по лестнице вниз. Через секунду – Ева и охнуть не успела – она растворилась в суетливой толпе. Словно сгинула.

А Ева осталась – обескураженная, обиженная, изумленная. Зато теперь она точно знала, что делать, на что потратить последние семь рублей.

Она спустилась в метро, купила магнитную карточку и

решительно отправилась на одну из московских окраин. К Майке, лучшей своей подруге. Майка – решительная, деятельная. Уж она-то точно все рассудит, она-то знает, как следует поступить.

Главный редактор мужского журнала «Плейхаус» Марат Логунов был тот еще стервец. Его все ненавидели – вернее, все, кроме романтично настроенных дам. Хотя, вероятно, и они не захотели бы иметь с ним ничего общего, не будь он похож на голливудского актера, играющего роли героев-любовников и непобедимых секретных агентов.

У него были сумасшедшие глаза – глаза, которые могли довести до греха (и доводили, доводили!) даже самую убежденную пуританку. Зеленые, с длинными девчоночьими ресницами, а над ними – ровные дуги темных шелковых бровей (кое-кто поговаривал даже, что брови Марат выщипывает). Добавьте к этому фигуру, с которой мог бы посоперничать разве что музейный Аполлон, и копну роскошных каштановых волос, простриженных у самого дорогого московского стилиста. Наверное, при желании Марат Логунов вполне мог бы сделать карьеру на лучших подиумах мира. Но, видимо, работа манекенщика несколько его не прельщала, для этого он был слишком умным и слишком *мужчиной*. Поэтому он стал тем, кем стал, – главным редактором одного из самых известных русских эротических журналов...

– Что ты встала, как часовой у Мавзолея?! А ну повер-

тись, – командовал Марат. – Руки на пояс. Правая нога впереди, левая сзади. Так, грудь покажи!

Он сидел на краешке стильного полукруглого стола, специально для него привезенного из Милана. Вокруг него суетилась ассистентка Ксения – молоденькая девушка, чем-то смахивающая на собаку породы американский кокер-спаниель – влажный взгляд из-под завитой рыжей челки, робкая улыбка на простоватом лице. Она была первокурсницей журфака и работу в таком престижном известном журнале, как «Плейхаус», почитала за самую крупную удачу в своей жизни. Ксения рассчитывала в один прекрасный день стать одним из авторов «Плейхауса», а впоследствии, возможно, и редактором отдела.

Сейчас выбирали фотомоделю для разворота следующего номера. За последние три дня Марату пришлось «отсмотреть» больше двух сотен претенденток.

...Ангелоподобная блондинка, стоящая посреди комнаты, застенчиво улыбнулась – совершенно некстати ее одолел приступ скромности. Скорее всего, ложной. Марат знал: для того чтобы попасть на этот кастинг, блондинке пришлось побывать в кабинете фоторедактора Гены, догадывался он и о том, что Гена делает с такими вот застенчивыми блондинками в своем кабинете. Длинными пальчиками, увенчанными гелиевыми ногтями-лопатами, девушка подцепила край своего мохерового свитерочка. Обнажилась полоска ее загорелого живота. «Неплохо», – подумал Марат. У многих деву-

шек, которых он забраковал, было рыхловатое тело, у других – наоборот, слишком мускулистое. Не каждая красавица подойдет для фотографии в стиле «ню». У идеальной ню-модели должна быть большая тяжелая грудь, узкие мальчишеские бедра, асиная талия при наличии круглого животика (кому понравится фотография обнаженного скелета!) и, конечно, правильное красивое лицо.

Девчонка сняла свитерок, и выяснилось, что ее грудь «упакована» в кружевной черный бюстгальтер. Марат раздраженно вздохнул. Неужели эта корова не могла догадаться надеть на себя поменьше тряпья? Чтобы не отнимать лишние минуты его драгоценного времени? Но нет, все они старались подольше задержаться в его кабинете. Словно количество проведенных здесь минут было прямо пропорционально шансам украсить собой журнальный разворот.

Марат отметил, что как раз у этой блондинки есть все шансы подойти. Бюстгальтер туго сидел на ее круглой аппетитной груди. Словно профессиональная стриптизерка, девушка закинула руки за спину, ловко справилась с застежкой и посмотрела на него лукаво, исподлобья.

– Блин, да покажешь ты наконец свои сиськи или нет? – не выдержал Марат. – Это тебе не конкурс «Мисс любительский стриптиз»!

Девушка обиженно засопела и отшвырнула лифчик в сторону – невесомые кружева спланировали прямо в мусорную корзину, но модель не обратила на это внимания. Она стояла

перед ним голая, немного взнервлённая и, затаив дыхание, ждала, когда он вынесет вердикт.

В первый момент Марат не знал, что и сказать. Левую грудь модели украшала затейливая татуировка – чёрный дракон с четко прорисованными ажурными крыльями и огромными когтистыми лапами. Сосок был как бы глазом чудовища. А длинный драконий хвост уходил куда-то в подмышечную область.

Кажется, девушка приняла шок редактора за восхищение. Она с самодовольной улыбкой пояснила:

– Я эту татушку в Амстердаме сделала. У лучшего мастера, семьдесят баксов отдала.

– Поэтому и место тебе – на улице Красных Фонарей, – усмехнулся Марат.

Девушка вспыхнула, а Ксения отвела глаза и закашлялась. Ей не нравилось, когда Марат начинал унижать моделек.

– Дура ты, дура! Зачем же такой красивый материал было портить? Кто же тебя теперь с этой дрянью будет снимать? На карьере модели можешь поставить крест, девочка!

– А многим нравится, – с вызовом ответила блондинка, но голос ее предательски зазвенел.

– Вот к ним и иди, – предложил Марат и, зевнув, добавил: – Можешь упаковывать своего динозавра обратно в лифчик и топать. Кастинг окончен. Для тебя.

Модель ничего не ответила. Марат видел, что она из последних сил пытается сохранять чувство собственного до-

стоинства. Но бесполезно – ее голубые глаза наполнились влагой. Скорее всего, прямо из кабинета она помчится в ближайший женский туалет. Запрется в одной из кабинок и обильными слезами смоем весь макияж со своей прехорошенькой мордашки. Однажды по секрету кто-то из сотрудников рассказал ему, что женский туалет редакции журнала «Плейхаус» напоминает собрание профессиональных плакальщиц – особенно в те дни, когда проходят кастинги фотомоделей.

Иногда Марату казалось, что все эти модельки люто друг друга ненавидят. По крайней мере, когда они дожидались своей очереди перед входом в его шикарно обставленный кабинет, некоторые из них едва разговаривали друг с другом. Другие же, наоборот, охотно говорили конкуренткам гадости. «Ну у тебя и целлюлит!», «Интересно, как фотографам удастся спрятать твой двойной подбородок?», «А правда ли, что ты переспала со всем художественным отделом, чтобы попасть сюда?» – все это были, по меркам девушек, довольно невинные фразы. Однако объединенные общей неудачей, они становились чуть ли не лучшими подружками. Рыдали друг у друга на плече, сетовали на свою печальную жизнь, жаловались на мужчин в целом и на него, Марата Логунова, в частности. Марата же это только забавляло. А вот его юная ассистентка, похоже, искренне им сочувствовала.

– И зря, – иногда говорил он ей. – Думаешь, они не понимают, на что идут?

– Может быть, они мечтают стать звездами подиума?

– Конечно! И именно поэтому соглашаются демонстрировать перед камерой свои интимные места, – веселился Марат, и девушке оставалось лишь красноречиво поджать губы. В конце концов, кем она была, чтобы спорить с самым главным редактором?

Уже выходя, татуированная блондинка обернулась к Марату и сквозь зубы процедила:

– Я расскажу своему приятелю, и он тебя в порошок сотрет, говно!

– Валяй, – лениво ответил он.

– Ты просто не знаешь, кто мой приятель. – В ее глазах стояли злые слезы. – Да он тебе нос набок свернет! Оторвет яйца и сварит их в кипятке!

– А ты с воображением. Иди-иди, девочка. Если не хочешь, чтобы я позвал охрану.

Когда дверь за разъяренной фотомodelью наконец закрылась, Марат обернулся к Ксении и обнаружил, что цветом лица девушка напоминает переваренного рака.

– Что не так, праведница ты наша? – поддел он ее.

– Ничего, – ассистентка опустила глаза. – Просто мне показалось, что вы незаслуженно ее обидели. Зачем надо было говорить про улицу Красных Фонарей? Можно было просто сказать, что она не подходит, и все.

– Я рад, что моя маленькая ассистентка знает, как мне надо было поступить. – Он с хрустом потянулся. Нет, он не

злился на нее, он даже в некотором роде ей импонировал. Несмотря на такой юный возраст, с мозгами у девчонки было все в порядке. По крайней мере, ни один прежний ассистент не смог удержаться на этой должности больше трех недель, а эта работала в «Плейхаусе» уже почти полгода. Но бедняжка никак не могла привыкнуть к тому, что работает в эротическом журнале. Все остальные сотрудники были своего рода циниками. Моделей они фамильярно называли «щелками», казалось, ничто не может смутить этих людей. А Ксения вместо «задница» интеллигентно говорила «ягодицы». Наверное, она была просто слишком молоденькой для того, чтобы комфортно чувствовать себя в таком змеином логове.

– Там в коридоре еще девушки, – объявила ассистентка и, заглянув в свой растрепанный огромный блокнот, добавила: – Среди них известная стриптизерка из Киева Ариадна Быстрова.

Марат усмехнулся уголками губ. Каких только псевдонимов не придумывали себе девчонки, чтобы перетянуть одеяло его внимания на себя.

– Можешь передать им, чтобы расходились по домам. Все равно все одинаковые. Да, и передай Ирене, чтобы обратила особое внимание на ту азиаточку, что вчера приходила. Она мне понравилась.

Ксения азартно схватилась за обгрызенный карандаш и принялась что-то отмечать в своем распухшем от записей блокноте. Марат посмотрел на ее руки – обветренные, с

неровно подстриженными и не слишком чистыми ногтями, а затем взглянул на свои – розовые, мягкие, ухоженные. Может быть, посоветовать ей, чтобы хоть раз в жизни сделала нормальный маникюр? Хотя нет, еще обидится. И так все за глаза называют его ассистентку «мамой Терезой».

– Ты была на планерке? – поинтересовался он.

– Конечно!

– Что Ирена говорила насчет календаря?

Календарь «Сладкий год» считался самым коммерчески выгодным проектом журнала. Вообще-то ничего особенного в нем не было. Календарь как календарь – обнаженные женщины, заманчиво улыбающиеся с великолепной дорогой бумаги. Но что это были за женщины! Самые знаменитые женщины России – те, чьи лица украшают обложки большинства журналов и первые полосы газет. Хозяйки жизни, баловницы судьбы. Голые. Совсем.

Разумеется, для календаря работали самые лучшие фотографы и стилисты. Сюжет каждой фотосессии обсуждался месяцами, каждый кадр был своего рода произведением искусства. И появление очередного «Сладкого года» каждый раз становилось заметным светским событием. Задолго до его выхода в свет журналисты принимались азартно сплетничать о том, кто появится на страницах «Сладкого года» на этот раз. Календарь никогда не задерживался на прилавках больше недели. Его печатали ограниченным тиражом – и в этом был определенный шик, вокруг него всегда был

ажотиаж. Многие покупали «Сладкий год» просто из любопытства – хотелось посмотреть на сокровенные места знаменитых дам. Другие (особенно женщины) желали убедиться в земном происхождении моделей – они надеялись рассмотреть на звездных попах лишний жир или, если повезет, целлюлит. Правда, в большинстве случаев их ждало жесточайшее разочарование – все фотографии тщательно ретушировались. Но в основном люди платили сто долларов за какой-то календарь, для того чтобы выглядеть модными. «Сладкий год» давно считался чем-то вроде атрибута московского шика. Его можно было увидеть в офисе топ-менеджера крупной корпорации и в мастерской обласканного властью художника, в кабинете маститого режиссера и в приемной модного кутюрье...

– Ирена составила список на этот год. – Ксения протянула замусоленный листок. Марат в очередной раз удивился. Может быть, она и не самая шикарная женщина, но ассистент она великолепный.

Он пробежал глазами строчки. Как обычно, Ирена постаралась проявить изобретательность, включить в список самых разных женщин – и актрис, и спортсменок, и известных на всю страну интеллектуалок.

С каждым годом все сложнее было подбирать героинь для календаря. В какой-то момент Марату показалось, что все более-менее раскрученные лица они уже использовали. И он позволил себе задействовать в проекте нескольких никому

не известных, но чертовски сексапильных фотомоделей. И рейтинг продаж календаря заметно упал! Людям было неинтересно смотреть на роскошные обнаженные тела, они хотели видеть именно знаменитые обнаженные тела!

Несколько имен сразу бросилось в глаза. Екатерина Лаврова. Екатерина была прямой одного из небольших, но модных московских театров. В прессе ее называли «столичной леди Ди». Марат пару раз встречал ее на презентациях, она показалась ему до безобразия элегантной, скучноватой и довольно предсказуемой. У Лавровой был вкус чопорной великосветской леди. В конце девяностых, когда богема единогласно отдала предпочтение массивной бижутерии в стиле хай-тек, Екатерина Павловна невозмутимо носила жемчуг и умудрялась при этом не выглядеть посмешищем. В общем, над Лавровой посмеивались стильные богемные дамы, ее обожали интеллигентные старушки.

«Хм, неплохо было бы заполучить подобный экземплярчик!» – решил для себя Марат, а вслух, криво усмехнувшись, сказал:

– Да она ни за что не согласится! Это все равно что предложить то же самое жене президента. Стоило ей столько времени бороться за титул «Девственница года», чтобы на старости лет продемонстрировать увядающие прелести на страницах календаря.

Ассистентка прыснула в ладошку.

– Ирена Вагизовна сказала, что Лаврова на мели. Ее ко-

ронный спектакль скоро закрывается, а новых ролей нет. На пятки наступают молодые.

– Ладно. А кто такая Марьяна Вахновская? – он ткнул пальцем в листок. Сумасшедшая Ирена поставила эту никому не известную Вахновскую почти в самое начало списка, между именами известной певицы и олимпийской чемпионки.

– Ну как же... Георгий Вахновский, – напомнила Ксения имя одного из спонсоров проекта.

Марат сделал такое страдальческое лицо, словно у него вдруг заболели все зубы сразу.

– Жена? – обреченно поинтересовался он.

– Похоже на то.

– Актрисулька? Моделька? Певичка?

– Последнее. И говорят, неплохо поет, – добавила девчонка, которой, видимо, хотелось хоть как-то утешить начальника. – Она окончила джазовую академию. Золотой голос.

– Главное, что за ней стоит золотой кошелек, – ухмыльнулся Марат.

У него мгновенно испортилось настроение: печатать в календаре спонсорскую девчонку казалось ему дурным вкусом, но, похоже, без этого не обойтись. Георгий Вахновский, председатель правления одного из известных банков, собирався вложить в проект около пятисот тысяч долларов.

– Ну а что насчет фотографов?

– Влад Локтев. Филипп Меднов... – старательно перечис-

ляла Ксения.

— Меднов — это хорошо, — кивнул Марат. — В последнее время он входит в моду.

...Тридцатидвухлетний фотограф Филипп Меднов вполне мог считаться баловнем судьбы. Казалось, фортуна была влюблена в него, как пылкая школьница. Выходец из староарбатской коммуналки, подрабатывающий дворником, чтобы хоть как-то свести концы с концами, он вдруг самостоятельно, с первой попытки поступил в безнадежно блатной ВГИК. Учился на отлично, снял дипломный фильм, который несколько раз даже показали по центральному телевидению. В то же время он увлекся художественной фотосъемкой — и его работы не остались незамеченными, в один прекрасный день Филиппа пригласили поучаствовать в коллективной выставке в ЦДХ. С этой выставки все и началось — Филиппу предложили работу в небезызвестном еженедельнике. Как-то с самого начала сложилось, что он фотографировал показы мод и разные светские мероприятия. И вскоре в узких кругах он стал узнаваемым лицом и нередко получал именнные приглашения на престижные рауты, где появлялся в обществе своего неизменного спутника — профессиональной фотокамеры. Иногда ему удавалось сделать удивительные случайные снимки — многие называли это не профессионализмом даже, а везением.

Немолодая ведущая политических вечерних новостей,

томно покусывающая коктейльную соломинку, — от шампанского ее щеки разругались, весело заблестели глаза, и лицо обычно строгой теледивы приобрело игривое, сексуальное выражение. Эта фотография появилась почти во всех более-менее известных изданиях, а сама звезда раздобыла где-то домашний телефон Меднова и заказала ему серию своих портретов.

Фотомодель с ангельской внешностью, кудрявая, белокурая, голубоглазая, не морщась, пьет из небольшой стопочки водку, одновременно хватая со стола новую порцию. После того как этот снимок увидел свет, Филиппу долго звонил любовник опозоренной девицы, который по закону жанра оказался членом крупной криминальной группировки, — он грозил расправой наглому фотографу, и струсившему Филиппу пришлось даже переехать на другую квартиру, что вряд ли могло считаться решением проблемы. Если бы ему не повезло еще раз — ангельская фотомодель изменила своему грозному приятелю, и тот навсегда отстал от ослабившего его бывшую пассию ловкого фотографа.

Известный оперный певец, украдкой подкрашивающий перед карманным зеркальцем губы.

За все эти фотографии лучшие глянцевые журналы платили ему фантастические гонорары. Но слава папарацци никогда не прельщала Филиппа Меднова. Он всегда считал себя художником, творцом. В один прекрасный день он решил, что модная съемка — то, что ему нужно. Художественно вы-

полненная реклама нарядов, красивые модели на фоне умопомрачительных пейзажей или стильно оформленных интерьеров. Обычно подобными съемками руководит стилист – он как бы является режиссером фотосессии. Но не в том случае, когда за объективом находился Филипп Меднов. В нем проснулся настоящий талант, он был одновременно стилистом, постановщиком, иногда даже визажистом, он изводил уйму пленки на одну фотосессию – и в результате получал не просто красивые снимки, а настоящие шедевры. Следующая его выставка в ЦДХ была уже авторской, она называлась «Мода и я», и на ее открытии собрался весь бомонд.

Наверное, именно поэтому Марат Логунов и решил пригласить именно Филиппа Меднова на роль главного фотографа очередной версии календаря «Сладкий год». Об этом он и сообщил ему в официальном письме, составленном на золотистом бланке журнала. Вообще-то, Филипп был давно знаком с Маратом – когда-то они учились на одном курсе. Марат мог обставить приглашение менее официально – позвонить, пригласить на ужин, повспоминать студенческие сумасшествия, а потом обмолвиться и о календаре. Но в этом был весь Логунов – он обожал произвести впечатление, не мог обойтись без красивых жестов.

Филипп его всегда немного недолюбливал. Логунов был красив, как исполнитель роли Джеймса Бонда, – высокий, фигуристый, с волевым, что называется, подбородком и прищуренными в полунасмешке зелеными глазами. Женщины

любого возраста и социального положения млели от одного его вида. Но за внешностью супермена таился не слишком уверенный в себе человек, обремененный целым возом беспричинных комплексов.

Поэтому Филипп не слишком-то обрадовался, услышав в телефонной трубке голос бывшего однокурсника.

– Здорово, приятель! – У Марата был такой тон, словно они расстались только вчера. А ведь они не виделись несколько лет, да и в институте особо не дружили.

– Привет, – сдержанно ответил Филипп.

– Привет – и это все? Ты что, не получил наше письмо?

Только в тот момент Филипп вспомнил, что и правда несколько дней назад обнаружил в своем почтовом ящике золотистый конверт с надписью «Плейхаус». Почему-то он решил, что это очередное приглашение на тусовку, и не вскрыл конверт.

– Извини, не успел еще прочитать.

– Ну ты даешь, – мягко пожурил его Марат. – Карьеристом тебя не назовешь. Если бы я так разбрасывался работой, то еще был бы, наверное, простым курьером.

Марат гордился тем, что карьеру в журналистике он начал обыкновенным курьером в не слишком крупной газетенке и уже через четыре года стал главным редактором одного из самых известных российских журналов. На самом же деле – об этом все знали, но предпочитали благоразумно помалкивать – здесь не обошлось без влиятельной любовницы. Од-

на богатая дама, в обществе которой был неоднократно замечен молодой Логунов, посодействовала, чтобы этого красавца приняли на работу старшим редактором.

– «Плейхаус» хочет предложить мне съемку? – догадался Филипп, листая органайзер. – На этой неделе и в начале следующей я катастрофически несвободен.

– Съемку? – переспросил Марат. – Да еще какую! Знаешь, я бы на твоём месте все дела отменил. Слышал что-нибудь о календаре «Сладкий год»?

Конечно, это была игра. Ещё бы не слышать о таком календаре! Филипп все-таки был известным светским фотографом...

– О «Сладком годе»? – У него екнуло сердце, и синяя жилка запульсировала на виске. Неужели...

– В этом году мы хотим пригласить фотографом тебя. Двадцать тысяч долларов – гонорар.

В погоне за собственным дыханием Филипп забыл хоть как-то отреагировать на такое неожиданное предложение.

– Список героинь уже утвержден. Остальное – в твоих руках. Я хочу, чтобы в этом году «Сладкий год» был необычным.

– В смысле?

– Авторским. Твоим. Календарь обслуживает минимальный штат. Никаких постановщиков, они все только испортят.

Филипп не мог поверить своим ушам. Такое только в сказ-

ке бывает.

– Так что скажешь?

– Я... Конечно, я согласен!

Глава 2

Лучшая подруга Евы Широковой Майка была живым воплощением оптимизма. Некрасивая, тощая, задиристая, смешливая – она отчего-то пребывала в полной уверенности, что в один прекрасный день станет звездой. Чуть ли не мировой знаменитостью. При этом голоса и слуха у нее не было, танцевала она посредственно, рисовать и вовсе не умела и на музыкальных инструментах не играла, так что Еве было непонятно, в какой именно сфере подруга желает достичь вселенской славы. Но разве возможно спорить с безапелляционной Майкой?

Майкино лицо было подвижным, как у мультипликационной обезьянки. Бровки выщипаны в ниточку – Ева бы так себе ни за что не сделала. Подрисованная крупная родинка на щеке. Яркие накрашенные губы. Майка была суетливой – сто движений в минуту. Она кокетливо поправляла челку, одновременно стреляя густо подведенными глазками по сторонам, а в следующую секунду уже одергивала короткую юбочку – она такие просто обожала, хотя и была в них похожа на цаплю-переростка. Голосок у Майки был тоненький, жеманный. И говорила она быстро-быстро, как бы сама себя перебивая. Она любила употреблять в разговоре разные словечки, которые ей самой казались очаровательными, вроде «душечка», «милочка», «солнышко». Многие знакомые счи-

тали, что Майка – просто поверхностная дура. Но Ева знала, что это не так.

Стоило Еве увидеть встревоженную подругу, как она, сама от себя того не ожидая, горько расплакалась.

– Евка! Ну хорош рыдать-то! – неловко утешала ее Майя, усаживая за стол и наливая в треснувшую чашку кофе.

Этот кофе, Майкой сваренный, имел одно-единственное достоинство – он был горячим. Майка сидела на диете, поэтому в ее доме сроду не водилось сахара. К тому же она считала, что кофеин вреден для цвета лица, а потому бодрящий напиток в ее исполнении выходил одновременно жидким и горьким.

– Ну, рассказывай. Неужели все так серьезно? – Майка уселась напротив.

– Серьезнее некуда. Меня отчислили из института.

– Что-о? – встрепелась Майя.

– Именно, – горестно улыбнулась Ева, которая, видимо, успела с этой мыслью смириться. – Меня отчислили. Позавчера я увидела свою фамилию в списке. Понимаю, что по-хорошему надо было сдать сессию раньше... Я сразу собрала вещички и отправилась домой, но оттуда меня тоже благополучно изгнали. Мать сказала, что у нее и так дармоедов полно...

Майя задумчиво помолчала, потом решительно сорвалась с места, распахнула дверцу дешевого пластикового кухонно-

го шкафчика и извлекла оттуда початую бутылку «Клюковки».

– По этому поводу надо выпить, – прокомментировала она свои действия, разливая сиропообразную жидкость по маленьким, не слишком чистым рюмочкам.

– Только напиться мне не хватало, – вздохнула Ева, одна-ко рюмку из Майкиных рук приняла.

– Что же теперь делать? – Майка одним махом опустошила свою рюмочку и налила еще.

Ева пожала плечами и отвернулась к окну. Майка жила на последнем, семнадцатом этаже – высота Еву всегда завораживала.

– Эй, ты уснула? Я спрашиваю, делать-то будешь что?

– Да вот... – Ева неопределенно махнула рукой.

– Да ты не переживай, где-нибудь перекантуешься пока, а в институте восстановишься.

– Бесполезно, – усмехнулась Ева. – Меня не восстановят.

– Почему это? – оптимистично воскликнула Майка. – Что за глупости! Всех восстанавливают, а тебя нет! Да меня саму два раза выгоняли. Может быть, и уезжать тебе никуда не придется. Придешь к Порфирию Петровичу, поплачешь, он, говорят, этого не выносит...

– Да была я уже, – еле слышно прошептала Ева, – поплакала.

– И что?

– Даже вспоминать не хочется. – Ева наполнила свою рю-

мочку противной, вязкой «Клюковкой».

Девчонки учились в одной из новоявленных академий на факультете экономики и статистики. Ни экономика, ни статистика обеих не интересовала – и Майка, и Ева подали документы именно в этот институт из-за невероятно низкого проходного балла.

– Что же он такого сделал? – Майкины глаза заблестели, хотя она и сама уже знала ответ на свой вопрос. – Приставал, да?

Ева промолчала. Несмотря на то что декану их факультета Порфирию Петровичу давно перевалило за шестьдесят, он все еще считал себя сердцеедом. Прятал пивной животик в балахонообразные свитера, носил выцветшие джинсы, ровными дужками выщипывал брови и подкрашивал седину на висках темно-каштановой краской (при этом он напоминал скорее не сердцееда, а престарелого гомосексуалиста). В толпе молоденьких студенточек Порфирий Петрович чувствовал себя как рыба в воде. Особенно привлекательными казались ему отстающие или даже те, кто был «приговорен» к отчислению. Эти, в отличие от остальных, не стряхивали его ищущую руку со своего плеча, позволяли нежно приобнимать себя за талию и по-отечески хлопать по обтянутым капроновыми колготками коленкам.

– Он предложил мне... Прямо на его рабочем месте, – спокойно улыбнулась Ева.

Майкины темные глаза стали похожи на две большие пу-

ГОВИЦЫ.

– Да ты что?!

– Он уже и папки с бумагами со стола стряхнул, шторы задернул. Занервничал старикашка.

– А ты?

– А я... Я подумала, что мне терять? Расстегнула кофточку, заулыбалась. Ничего страшного, десять минут потерпеть, а потом он сессию закроет...

– Ты с ним... – Майка даже задохнулась. – Да?

Ева грустно усмехнулась:

– Он аж вспотел. Ширинку расстегнул, свитер стаскивать принялся. И... знаешь...

– Что?

– Его волосы! У него, оказывается, парик!

– Как это?

– Вот так. Лысый наш Порфирий Петрович, а мы и не догадывались. Он, когда свитер стягивал, парик задел, и тот на пол свалился. Видела бы ты его лицо!

Майка пьяно расхохоталась, представив себе лысого Порфирия Петровича.

– А ты?

– Да что я? Я рассмеялась... – Ева улыбнулась. – Он разозлился жутко. Выставил меня вон. А я все успокоиться не могла, хохотала как помешанная. А через несколько часов он приказ о моем отчислении подписал. Смешно, да?

– Да, – машинально ответила Майка, но потом, подумав,

добавила: – Нет. Ну ты и дура!

– Знаю, – покладисто согласилась Ева.

– Неужели ты не могла оставить эмоции при себе? Ну, потерпела бы чуть-чуть! Может, ты бы ему понравилась, и он бы тебя постоянной любовницей сделал!

Ева скривилась, словно только что проглотила лягушку.

– Ну представь себе только – наш Порфирий, потный от возбуждения, с красной рожей, расстегнутой ширинкой и... лысый!

Майка прыснула, подавившись «Клюковкой», но тут же спохватилась:

– Ева, делать-то теперь чего?

– Ничего. Я уже все решила.

– Тебе есть куда пойти? – удивилась Майя. Она прекрасно знала, что у Евы не было в Москве ни родственников, ни близких друзей.

– Ну... В общем, да. Я уже все решила.

– Расскажи, – потребовала подруга.

– Как-нибудь в другой раз, – поморщилась Ева, вставая с неудобной расшатанной табуретки. – Знаешь, я пойду, пожалуй. Я только на минутку зашла, попрощаться.

Майя вскочила со стула и в три прыжка оказалась возле входной двери.

– То есть как это? Ты же сама сказала, что из дома тебя выгнали!

– Выгнали, – подтвердила Ева, зашнуровывая свои разно-

шенные немодные ботинки.

– Выходит, в Москве решила остаться, – подытожила Майка. – О! Я все поняла!

– Что ты поняла?

– Ты себе мужика нашла! – каким-то обвиняющим тоном выкрикнула она. – Ну, конечно, кто бы сомневался! Наша скромная благоразумная Евочка решила подзаработать!

– Ты что, напилась? – Ева наглухо застегнула свою чересчур легкую для января месяца куртку. – Что ты несешь?

Но покрасневшая от выпитого и переживаний Майка, казалось, ее не слушала.

– И кто же этот счастливчик? Порфирию Петровичу не повезло, а кто сорвал бутончик? Или... нет, не говори мне это... – она неприятно и глухо расхохоталась. – Может быть, все-таки наш декан?!

– Дура, – буркнула Ева. – Я пойду.

– Ладно, не злись, – неожиданно миролюбиво сказала подруга. – Нашла мужика, и ладно. Молодец. Мне вот что-то все не везет. Только перестань строить из себя целку-невредимку и все... Но... мы ведь еще увидимся?

– Конечно, – улыбнулась Ева.

– Когда?

– Один бог знает, – вздохнула Ева, обернувшись от двери, – больше никто...

Закрыв дверь за подругой, Майка посмотрела на себя в зеркало и топнула ножкой. Уродина, уродина! Она броси-

лась в кухню, к окну, и успела как раз вовремя – Ева уже почти пересекла двор, направляясь к трамвайной остановке.

– Везет же дуракам, – вздохнула Майка, глядя сверху на зябко кутающуюся в копеечную куртку подругу. – Мужика вот где-то нашла...

Мужчине, который ждал Филиппа в полутемной нише дорожного ресторана, уже явно подкатывало к семидесяти. Его волосы были белыми, как у Санта-Клауса с рождественской открытки, смугловатое лицо изрезали вдоль и поперек глубокие морщины. Резко контрастировали с этой картиной зубы – ослепительно-белые, словно у юной голливудской актрисы. Цена этому фарфоровому рту не меньше пятнадцати тысяч долларов, определил Филипп.

Весь вид мужчины кричал о его принадлежности к немногочисленной касте тех, кто мог себе позволить особняк с колоннами в Рио, конюшни на юге Франции, яхты в Портофино и шикарную двухэтажную квартиру в престижном квартале Нью-Йорка. Его светлый вельветовый костюм явно шили на заказ, остроносые туфли из кожи некоего пресмыкающегося были начищены до блеска, а в запонках поблескивали массивные бриллианты. Он пил элитный японский чай «Цветок невесты» и смаковал нежнейший шоколадный чизкейк.

Этот человек никогда раньше не видел Филиппа. И тем не менее сразу его узнал. Скорее всего потому, что Филипп

был единственным среди посетителей ресторана, кто предпочел шикарному костюму демократичные линялые джинсы. А может быть, потому, что он ворвался в ресторан, по своему обыкновению, стремительно, как сквозняк в плохо прикрытую форточку. Вальяжной обычно бывает «миллионерская» походка. Те, в чьем распоряжении огромные состояния, не любят мельтешить и суетиться.

– Вы, полагаю, господин режиссер? – У мужчины был приятный, профессионально поставленный голос с легким иностранным акцентом. Филипп не знал ни настоящего имени, ни биографии своего собеседника, но почему-то сразу решил, что он, скорее всего, немец.

– Точно, – подтвердил Филипп.

– Присаживайтесь. Будете что-нибудь? Разумеется, я угощаю. Рекомендую креветочный коктейль от шеф-повара.

– Благодарю вас, не откажусь.

Они присели за столиком у затемненного окна. Филипп задумчиво смотрел на улицу и куда-то спешащих по ней прохожих. Он знал, что с другой стороны окно было зеркальным, так что случайные любопытные не могли видеть посетителей ресторана.

– Итак, давайте сразу к делу. Мне рекомендовали вас как честного, исполнительного и порядочного человека.

«Порядочного! – внутренне позабавился Филипп. – Если только к моей профессии возможно применить такое слово!»

– Надеюсь, так оно и есть, – вслух сказал он.

– Для вас лучше, если так, – сверкнул фарфоровыми зубами «немец». – Работа, которую я хотел бы вам предложить, достаточно легкая. По крайней мере, для человека с вашим опытом.

Филипп слушал, не перебивая, почтительно склонив голову.

– Вы знаете, мне семьдесят четыре года. У меня было больше двухсот баб, – мужчина хвастливо приосанился. – Первокласных баб. Но любимая – одна... В семьдесят четвертом году я ее потерял. Моя жена Гвен упала с лошади и сломала себе шею. Лошадь я запер в конюшне и поджег. Пристрелить было бы слишком мягкой мерой.

«Зачем он мне все это рассказывает?!» – недоумевал Филипп.

– Я любил Гвенни. Никто так хорошо не делал любовь, как она. У меня на нее всегда стоял. В этом смысле она была феноменальна. Знаешь, чем она меня зацепила?

И Филиппу пришлось вежливо поинтересоваться:

– Чем?

– Я подобрал ее в баре. Красавицей она не была. Маленькая грудь и кривые ноги. Мы пришли к ней домой – она снимала какую-то вонючую конуру с протухшими обоями и протекающими потолками. Она сняла платье, и я присел от удивления. На ней были кожаные шорты и лифчик, они соединялись при помощи ремешков. Она достала откуда-то

высокие ботфорты и плетку...

– Вас возбуждает садомазохизм? – догадался наконец Филипп.

– Верно. Наша первая ночь была фантастическая. Она привязала меня к кровати, она отлупила меня до красноты, она засунула свой острый каблук мне в...

– Достаточно, я понял ваш замысел, – нервно перебил Филипп.

– Итак?.. Это возможно?

– Безусловно.

– Вот фотография Гвен. Только вы должны мне ее вернуть. Актриса должна быть похожа на нее.

Филипп мельком взглянул на снимок и едва не поперхнулся. Гвен была ухудшенной копией французского комедийного актера Пьера Ришара. Белесые реснички, копна бестолковых кудряшек на яйцевидной голове, высокий лоб, небольшие голубые глазки. «Если бы я увидел это чудовище в латексе и с плеткой в руках, скончался бы от смеха!» – решил он.

– А актеру не должно быть меньше сорока лет. Я хочу, чтобы это был солидный мужчина, а не слюнтявый юнец.

– Будет сделано, – пообещал Филипп.

– Снимите дешевенькую квартирку в качестве декорации. Разводы на стенах, тараканы. Именно в таком месте и жила Гвен. Пока я не забрал ее в свой дом, разумеется.

«Где найти сорокалетнего актера? – думал тем временем

Филипп. – Да такого, который согласится, чтобы его хорошенько отшлепала перед камерой малосимпатичная баба?»

– Я сделаю все в лучшем виде.

– Это хорошо. Теперь о цене. Думаю, две тысячи долларов будет вполне справедливо.

– Но... Ваш знакомый заплатил шесть.

– Так ты снимал для него малолеток. Это сложнее. Учти, если у меня много денег, это вовсе не значит, что я люблю переплачивать, – разозлившись, мужчина мгновенно перешел на «ты».

И Филипп решил с ним не спорить. В конце концов, в последнее время у него было не много заказов такого рода. Лишняя пара штук никогда не помешает.

– Я согласен.

– Еще бы ты отказался! – Заказчик отодвинул от себя тарелку с недоеденным, неаппетитно развалившимся чизкейком. – Значит, через неделю я жду фильм.

Он поднялся, отодвинув стул, аккуратно промокнул губы льняной салфеткой. Филипп остался сидеть на месте – он был голоден и вовсе не собирался оставлять на столе божественно-нежные пряные креветки.

От двери заказчик обернулся и вполголоса добавил:

– Пусть будет больше крови. Красные полосы на его зад. Можно сигаретные ожоги... Ну, бывай! – И «Санта-Клаус» скрылся за дверью.

Филипп вздохнул. Он занимался съемкой порнофильмов

уже почти десять лет. Элитное кино в единственном экземпляре для конкретного заказчика. Разумеется, он много за это время повидал. Старые развратники, богатые нимфоманки, похотливые извращенцы. Чего только они не придумывали! Иногда Филипп передергивался от отвращения, читая сценарий. Иногда ему казалось, что его окружают одни моральные уроды.

Он был известным светским фотографом, ему хорошо платили за съемку рекламы и «фэшн-стори». Но основные деньги Филипп Меднов зарабатывал именно на порнографии. Хотя были и другие причины, не позволяющие ему вырваться навсегда из вязкого омуты нелегального бизнеса. Веские причины...

Филипп задумчиво пережевывал креветку, глядя в окно. За неделю он должен успеть. С актрисой проблем не будет, в конце концов, женщину проще загримировать... А вот актер... Ничего, в конце концов, он наймет какого-нибудь бомжа. Любой вокзальный обитатель с радостью согласится быть избитым за пару сотенных купюр.

Внезапно чей-то пристальный неприязненный взгляд ожег его, как укус ядовитой медузы.

Филипп нервно огляделся по сторонам – никого. Соседние столики пустовали, официант, повернувшись к нему спиной, что-то записывал в своем блокноте. Показалось, наверное. Бывает же такое.

Успокоившись немного, он вновь уставился в окно и чуть

не подавился. На улице перед окном стоял человек. Высокий, темноволосый, молодой. В дорогом кожаном пальто и темных очках, как Киану Ривз в фильме «Матрица». Над городом висели рваные низкие тучи, утопившие в себе шпили московских высоток. Так что в очках никакой необходимости не было – а значит, это был предмет маскировки.

Человек смотрел прямо на Филиппа. Его губы искривила язвительная усмешка.

«Как он может меня видеть?! – запаниковал Филипп, машинально поправляя парик. – Стекло же зеркальное. Он в зеркало смотрит!» Но мужчина смотрел прямо на него. Никаких сомнений быть не могло – этот человек следил за Филиппом Медновым. «Как он узнал меня, как?! Меня бы мама родная в такой маскировке не узнала!»

У Филиппа резко пропал аппетит. Креветки внезапно показались ему слишком солеными – такими, что у него даже в горле пересохло. Он залпом допил остатки сока, натянул куртку и бросился к входной двери. Единственный способ не нервничать – устранить причину нервозности. Он должен узнать, кто этот странный человек и что ему от Филиппа нужно. Шантажист? Старый знакомый? Городской сумасшедший? Маньяк? Как бы там ни было, сейчас он узнает это наверняка. Филипп с силой толкнул дверь и выбежал на улицу. Мостовая была пуста. Никого.

Звонок мобильного едва не заставил его вскрикнуть от

неожиданности, любой посторонний звук – словно удар хлыста, когда нервы на пределе.

– Да! – несколько раздраженно крикнул он в трубку.

– Филя? – Он сразу узнал этот жеманный женский голосок. Принадлежал он одной из второсортных, но необыкновенно смазливых актрис – его обладательница вовсю «звездила» в дневных сериалах, неизменно играя небольшие, но эффектные роли красавиц-злодеек.

– Да, – ответил он уже более спокойно. И так он один раз уже сегодня сорвался, стоит закусить удила.

– Филечка, как хорошо, что я тебя поймала! Мне срочно нужно сделать фотосессию. Меня пригласили сниматься во Францию!

– Поздравляю, – усмехнулся Филипп и, поморщившись (как хорошо, что она не видит выражение его лица), галантно добавил: – Я всегда знал, что ты добьешься успеха. Так какие фотографии тебе надо сделать?

– Портрет, и в полный рост, на улице. В разных образах. Я пригласила визажиста и стилиста... Только вот...

– Что?

– Фотографии мне нужны уже сегодня! Ты не мог бы быть у меня через полтора часа?

«А раньше ты сказать не могла, корова бесталанная?!» – про себя мрачно выругался он, а вслух сказал:

– Конечно, Машенька. Тебе повезло, до вечера я совершенно свободен.

– А вечером? – кокетливо хихикнула она. – Опять свидание? Наверняка с какой-нибудь топ-моделью?

«Представляю, что бы она сказала, если бы я ответил честно! – подумал Филипп. – Просто мне необходимо найти престарелого порноактера и кудрявую тетку на роль госпожи с кожаным хлыстом!»

– Какая ты догадливая. Ладно, я выезжаю. Жди.

Филипп отключил телефон, зашел в ближайший подъезд и отточенными до автоматизма движениями за несколько минут привел себя в первозданный вид. Грим смыл с помощью специального тоника, парик аккуратно сложил и убрал в рюкзак, отклеил накладные реснички. Еще раз внимательно изучил вдруг показавшуюся бледной физиономию в карманном зеркальце. Машинально вскинул к глазам запястье – и снова вспомнил, что часы сломаны. Вышел на улицу и почти бегом заторопился в сторону метро, где во дворах была надежно спрятана от посторонних глаз его шикарная «Мазда».

Надо спешить. Бежать, перекусывая на ходу, меняя маски, как актер на бенефисном выступлении. Только торопясь – все равно куда – удастся почти не думать. Жить на автомате, работать и не вспоминать о том, что когда-то он был, как и все, обычным человеком с самой обычной жизнью. Обреченным на обычное спокойное будущее рядом с обычной женщиной.

С необычной женщиной.

Филипп досадливо встряхнул головой. Воспоминания –

как надоедливые мухи. Никак не отгонишь. Ее лицо, ее походка, ее руки. Не сорваться бы при всех, как сделал он это утром, обидев ни в чем не виноватую девчонку. Ее глаза, ее вечно спутанные волосы. Ее имя – как раковая опухоль. Больно ноет, горячо пульсирует в мыслях.

Филипп давно привык не обращать внимания на детали, чтобы какой-нибудь бестолковый предмет ненароком не напомнил о ней, умершей давно и глупо. Он всегда бежал, торопился – так, чтобы действия обгоняли мысли.

Он сел за руль, врубил на полную громкость какой-то вальсок. Взвизгнув тормозами, «Мазда» сорвалась с места.

Человек в длинном кожаном плаще и темных очках смотрел вслед быстро скрывшейся из виду спортивной машине, похожей на красную стрелу.

– Значит, это все-таки ты, – пробормотал он, прикуривая дешевую, дурно пахнущую папиросу. – Значит, я не ошибся. Что ж, тем хуже для тебя. Недолго тебе осталось, совсем недолго.

Вот уже десять лет жизнь фотографа Филиппа Меднова напоминала классический шпионский кинофильм. И сначала он чувствовал себя довольно неловко в роли главного героя. Все же не мальчик, чтобы участвовать в этих ежедневных играх с переодеванием.

Но ничего поделать не мог. Порнобизнес – уж очень

скользкое дело, засветишься один раз – и твою репутацию можно считать испорченной безвозвратно. Филипп был слишком заметным, примелькавшимся светским персонажем, чтобы так рисковать. Разоблачат его – и не видать больше заказов от модных журналов и модельных агентств. Останется он один, точно прокаженный.

Надо сказать, Филипп не сразу придумал для себя столь выигрышный и яркий образ смуглого мачо. Сперва в его распоряжении были только цветные линзы и недорогой парик – женский, представлявший собою копну неестественно-каштановых синтетических кудрей. Филипп сам кое-как обкорнал его маникюрными ножничками. Получилось не так уж плохо, но все равно в этом камуфляже он чувствовал себя полным идиотом.

То ему казалось, что в обрамлении жестких кукольных кудрей он смахивает на трансвестита или на «голубого». То он с ужасом воображал, что дурацкий парик и линзы не помогут ему оставаться стопроцентно неузнанным.

Уверенность пришла вместе с деньгами. Ничего не стоит на время виртуозно изменить внешний вид, если ты не ограничен в средствах. За новый парик (шикарный, из натуральных волос, причем каждый волосок его был по отдельности вживлен в силиконовую кожу) Филипп заплатил восемьсот долларов. Он купил это чудо в небольшом малоизвестном салоне, где отоваривались рок-звезды и известные телеведущие. Здесь же он приобрел легкий, почти незаметный на ли-

це, тональный крем. За отдельную плату улыбчивый визажист неопределенного пола научил его правильно гримироваться. И теперь он с уверенностью искусственной красавицы припудривал перед зеркалом лицо, подкрашивал брови и даже изменял контур губ при помощи специального мягкого карандашика – не боясь при этом, что окружающие примут его за извращенца.

Почему он был вынужден все это делать? Зачем взрослому, состоятельному мужчине все эти шпионские штучки? Зачем вполне успешному, обеспеченному и известному фотографу подрабатывать порнографией? Когда все это началось?

Может быть, в тот день, когда он, единственный сын спивающейся, давно разведенной учительницы музыки, решил поступать в суперпрестижный блатной ВГИК? Или когда он, неожиданно для окружающих и даже для самого себя, вдруг обнаружил собственную фамилию в списке зачисленных на операторский факультет?

Как часто Филипп видел тогда один и тот же сон. Вот появляется он на съемочной площадке, слегка повзрослевший, одетый по-богемному небрежно – в кожаный приталенный пиджак и протертые на коленях джинсы. В три прыжка возле него оказывается администратор – заискивающе улыбающаяся блондинка в мини и с ногами от ушей.

– Вам чай или кофе, Филипп Дмитриевич? – спрашивает она, прищурив глаза длиннющими пушистыми ресница-

ми. – С сахаром или без?

Но он только небрежно кивает ей. Разве есть ему дело до какой-то очередной блондинки, если из другого конца зала к нему навстречу спешит режиссер (Тодоровский, а может быть, даже и Михалков!).

– Отсматривали вчерашние пленки, Филипп Дмитриевич, – вместо приветствия говорит он, пожимая Филиппу руку. – Ну что я вам могу сказать, батенька?.. Это же просто гения-ально! Гениально!

На этом сладкий сон, как правило, заканчивался. Филипп вскакивал с узенькой продавленной кровати и до самого рассвета мерил крошечную комнатенку нервными шагами.

– Опять ходит, – недовольно ворчала мать, которая спала в той же комнатке (вторая кровать в их жилище не помещалась, и ей приходилось ютиться на старом, пахнущем плесенью матрасе). – Все ходит и ходит! Каждую ночь...

Филипп не обращал на нее внимания. В такие моменты он был почти счастлив и полон энтузиазма, ему казалось, что дело за малым. Всенародное признание не за горами, осталось потерпеть еще чуть-чуть, до того сладкого момента, когда наконец можно будет сменить опостылевшую коммуналку на пятикомнатные хоромы где-нибудь в районе Тверской-Ямской.

Мать умерла, отравившись самопальной водкой, когда Филипп перешел на третий курс. Она была неплохим музыкантом и, что даже более важно, великолепным педагогом.

Конечно, в последние годы концертировать она не могла. Во-первых, никто не выпустил бы на сцену женщину, похожую на вокзальную попрошайку, а во-вторых, от алкоголя у нее тряслись руки. Но до самой смерти мать давала частные уроки музыки. Филипп даже удивлялся иногда, как это приличные люди пускали такую особу в свои квартиры и доверяли ей своих детей. Но, видимо, у мамы была неплохая репутация – по крайней мере, уроков она никогда не пропускала и никогда не появлялась похмельной или пьяной в домах своих учеников. Мама, в сущности, содержала семью. Свою стипендию Филипп тратил на необходимые для учебы фотоматериалы и киноплёнки...

Нет, пожалуй, вся эта история началась немного позже. А именно в тот день, когда в его жизни появилась странная женщина с не менее странным именем – Азия.

Азия... От имени этого у него до сих пор мгновенно пересыхало в горле. Он думал, что выбросил все ее фотографии. Но то и дело находил их в самых неожиданных местах – под холодильником, между книжными страницами, в старом портфеле. Он давно сменил квартиру – но фотографии как будто переехали вместе с ним, а ведь он поклясться бы мог, что не перевозил их.

Это было словно насмешкой с того света. Как будто Азия цеплялась за него, не отпускала, прижимала к себе своими смуглыми худыми руками. Он ее отталкивал, как мог, а она только смеялась. Крепко держала, не допуская появления

возле Филиппа других женщин. И не допустит никогда – он это точно знал.

Они познакомились в начале девяностых. Филипп Меднов тогда учился во ВГИКе. Азия же была фамм фаталь – в лучшем смысле этого слова. Красивой ее никто не называл бы – скорее наоборот: ее лицо ничем не выделялось среди других лиц в сонно-агрессивной московской толпе. Маленькие темные глаза, нос с горбинкой, бледный рот, жесткие нестриженные волосы ниже плеч. Но было в ее взгляде, в ее улыбке, в ее движениях, в том, как она смеялась, как нервно откидывала длинную челку со лба, нечто такое, что заставляло остановиться и внимательно к ней приглядеться. А приглядевшись, с удивлением понять, что она все-таки *красива*.

У нее была дурацкая привычка – закусить прядь жестких волос, а потом задумчиво мусолить ее во рту, наматывать на язык, жевать. Сначала это показалось Филиппу отвратительным, но потом он стал находить в этом что-то сексуальное. Однажды он даже сфотографировал ее, задумчиво покусывающую собственные волосы. Азия тогда жутко разозлилась, она не любила, когда ее фотографировали исподтишка. Он пообещал отдать ей и фотографию, и негатив, но потом как-то это забылось, замялось, и снимок так и остался у Филиппа.

Вообще-то, Азию никак нельзя было назвать героиней его романа. Ему всегда нравились светленькие девушки с гита-

рообразными ладненькими фигурками, веселые, курносые, кокетливые и немного легкомысленные. Наверное, он и не посмотрел бы на Азию – с ее нечесаными волосами, одетую в третью кожаную куртку-косуху, – даже не заметил бы ее, если бы в один прекрасный день она сама не остановила его на Старом Арбате.

Она подошла сзади и спросила:

– Ты что, фотограф?

Филипп удивленно обернулся. На его плече действительно висел старенький «Зенит» – во ВГИКе он получил задание сделать несколько снимков архитектурных памятников для одного из семинаров.

– Фотограф, – пожал он плечами.

– Сфотографируй меня, – не попросила, а потребовала она. – Очень надо.

– С чего бы это? – ухмыльнулся он и подумал: «Ну и нахальная пигалица!»

Отчего-то в первый момент она показалась ему совсем молоденькой. Он потом удивится, узнав, что ей уже двадцать семь – старше его на пять лет!

– Я хорошо получаюсь на фотографиях, – она улыбнулась и посмотрела куда-то в сторону. – Все говорят, что у меня интересный типаж. Ты не пожалеешь. Если ты фотограф, значит, тебе должны быть интересны необычные модели... Ну, пожалуйста. Хотя бы один кадр.

– Да ладно, – пожал он плечами. Арбат всегда кишел су-

масшедшими, и, видимо, эта некрасивая девчонка была из их числа. – Становись спиной к стене.

Она ловко сняла свою ужасную грязную куртку и, подумав, бросила ее прямо на асфальт. Только теперь он заметил, какая она худая – словно девушку не кормили несколько дней. Она выгнула ребристую спину и выставила вперед ногу, а Филипп поморщился, посмотрев на ее костлявую коленку – телосложением девушка напоминала общипанного синего цыпленка из гастронома. Ей же, видимо, казалось, что она выглядит жутко сексуально.

«Зенит» щелкнул несколько раз, и Филипп объявил:

– Готово! Можешь одеваться, красавица.

– Здорово! – Она вновь облачилась в свою косуху. – Ты не пожалеешь, так и знай. Родись я в Париже, стала бы первой-классной манекенщицей. Я невероятно получаюсь на фотографиях! Волшебно! – Она вновь посмотрела куда-то в сторону.

Филипп проследил за ее взглядом – в нескольких метрах от них стояла престранная компания: двое мужчин (про таких говорят – косая сажень в плечах) и девушка, тоже одетая в грязную косуху. Девушка походила на откормленную белую мышь – круглое невзрачное лицо с блеклыми глазками, светлыми бровями и полным отсутствием ресниц. Если на первой девчонке косуха висела, как на вешалке, то фигуру этой девицы она обтягивала так плотно, что, казалось, ткань вот-вот треснет по швам.

Один из мужчин как-то странно смотрел на Филиппа. У него были сумасшедшие, немного навывкате глаза нереально-желтого, как у волка, цвета. Правую щеку мужчины пересекал уродливый фиолетовый шрам – кривой и выпуклый. Он начинался прямо у виска и тонул в грязноватой свалывшейся рыжей бороде. Это лицо притягивало, как магнит, не отпускало, завораживало – увидишь такого человека однажды и уже не сможешь его забыть.

Мужчина продолжал смотреть, и от этого немигающего тяжелого взгляда по спине Филиппа побежали ледяные мурашки.

– А ты вообще часто работаешь с моделями? – неестественно бодро поинтересовалась девчонка, но Филипп на нее даже не взглянул.

Мужчина с желтыми глазами отделился от странной компании и пошел напрямик к нему, продолжая «гипнотизировать» Филиппа. Меднов стоял как вкопанный, не в силах отвести взгляд. Внезапно девчонка схватила его за руку и крикнула:

– Бежим!

Он рассеянно посмотрел на нее:

– Что?.. Зачем?

– Потом объясню! Быстрее. Сейчас тебя будут убивать!

Филипп изумленно посмотрел сначала на нее, потом на незнакомца с волчьим лицом и понял, что она не шутит. Страшное лицо желтоглазого вдруг исказила брезгливая

улыбка, больше похожая на оскал. Весь его вид говорил о том, как неприятен ему Филипп.

– Бежим! – повторила девушка. – У него нож.

И почему-то Филипп поверил этой чокнутой девчонке в грязной куртке. Она схватила его за руку (ладони у нее были сухие и горячие) и побежала вниз по одному из извилистых арбатских переулочков; она ловко маневрировала между людьми, Филипп же постоянно на них натыкался. Через несколько минут он вообще перестал понимать, где они находятся, несмотря на то что все его детство прошло на Арбате. Она постоянно сворачивала в какие-то маленькие улочки, дворы, тупики. Филипп ни разу не обернулся, он даже не знал, гонится ли за ними тот страшный тип со шрамом. Он старался думать только об одном – как бы не отстать от своей новой знакомой.

Наконец девушка остановилась перед одним из безликих пятиэтажных домов, выкрашенных в неприятно-серый цвет. Она перевела дыхание, потом посмотрела на него и улыбнулась. Ее лицо покраснелось, глаза блестели, да и вообще она выглядела так, словно бег от разъяренного мужика с ножом доставил ей ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Ну вот, – сказала она, – кажется, оторвались. Поздравляю, ты спасен.

– Может быть, хотя бы объяснишь мне, что происходит? – недовольно потребовал Филипп. – Почему это он решил напасть именно на меня? Ты что, с ним знакома?

– Конечно, – пожала плечами она. – Знаешь что? Я живу в этом доме. Хочешь, поднимемся? Так и быть, предложу тебе горячий чай. Правда, к чаю нет ничего. Но ты мог бы сбегать в гастроном.

– Почему это я должен бежать в гастроном? Может быть, я вообще не хочу к тебе в гости? Может быть, я спешу? – возразил он, но с места не сдвинулся, хотя и понимал, что выглядит преглупо.

– Ну и спеши себе тогда, – усмехнулась она. – Вон там, – она неопределенно махнула рукой куда-то в сторону, – Садовое кольцо, метро «Баррикадная».

«Баррикадная»?! – ужаснулся Филипп. Выходит, они успели убежать так далеко, а он и не заметил...

– Но знаешь... – она нахмурилась. – Может быть, Барон все-таки нас выследил.

– Барон? – недоуменно переспросил он.

– Ну, мужик с желтыми глазами. Его Бароном зовут. Поэтому советую тебе пересидеть у меня. Так безопасней.

– С чего ты вообще взяла, что ему нужен я?

– Заодно я все расскажу, – она развернулась и уверенным шагом вошла в подъезд. Филипп – сам не зная почему – последовал за ней. Выяснилось, что девушка живет на самом последнем, пятом этаже. Она уверенно побежала вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Филипп за ней еле успевал – но ему было стыдно признаться, что он выдохся. Про себя он решил, что пора бы наконец заняться спортом. Бегать по

утрам или кататься на лыжах в Битцевском парке. Жаль, что у него совсем нет на это времени. И сил. Филипп старался беречь каждую капельку энергии – а что еще делать, когда еле сводишь концы с концами и метешь улицы, чтобы заработать на бутерброд.

Она поковыряла ключом в ржавой замочной скважине, пробормотав при этом: «Ненавижу замки!» – и наконец распахнула перед ним дверь. За ней была небольшая захламленная квартирка, которая показалась Филиппу божественной, – высокие потолки, ободранные обои на стенах, огромные пыльные окна. На стенах висели какие-то самодельные барабаны, обтянутые грубой, неровно обрезанной по краям кожей. Девчонка, смеясь, сказала, что это настоящие африканские тамтамы, а он, само собой, ей не поверил.

Она небрежно, с грохотом поставила на плиту огромный почерневший чайник и уселась за стол. Он был завален какими-то мятыми бумагами, исписанными мелким угловатым почерком, и девушка небрежно смахнула их на пол.

– Мои стихи, – как бы между прочим объяснила она.

Он уселся на краешек табуретки напротив нее.

– Может быть, наконец объяснишь?

– Что? – рассеянно спросила она. – Ах да, про Барона... Да что объяснять? Он мой мужик. Вернее, был им. Четыре года. Он классный.

– Да уж, – усмехнулся Филипп, – такой классный, что мурашки по коже...

Ее глаза опасно сузились.

– Не говори того, о чем не знаешь наверняка. Он супер. Личность. Этот шрам... Он подрался из-за меня. Я была такой дурой. – Она задумчиво уставилась в окно и надолго замолчала, а когда Филипп хотел уже деликатно напомнить о своем присутствии, вдруг заговорила опять: – Я сама его спровоцировала. Я хотела проверить, любит ли он меня настолько, чтобы драться. Это было на вечеринке. Я уселась на колени к его приятелю, я целовала его в губы. Барон закипел, оттолкнул меня и разбил ему лицо. А тот достал нож и... – она вздохнула. – А ты когда-нибудь дрался за женщину? Кстати, как тебя зовут?

Он проигнорировал ее вопрос.

– Подожди, я чего-то не понял... А я-то тут при чем? За чем твоему ненормальному Барону понадобился я?

Она возвела глаза к грязноватому потолку и раздраженно вздохнула:

– Нет, ты невыносим! Ну какая, спрашивается, тебе разница. Остался жив, не искалечен, и слава богу.

– Нет, я все-таки...

– Ну ладно! – перебила она. – Ты меня достал. Слушай. Я любила Барона. Правда. Но он меня подавлял, понимаешь? Ему нужна другая женщина. Та, что полюбит его настолько, что откажется от себя. То есть только такая смогла бы быть рядом с ним счастливой. А ему нравятся сильные бабы. Как я. – Она расправила плечи. – Но в один прекрасный момент я

поняла, что мне не сделать карьеру, пока он рядом. Знаешь, я творческая личность. Пою. У меня красивые песни, правда – скоро сам убедишься...

«Мне наплевать на твои песни», – хотел сказать Филипп, но благоразумно промолчал.

– И вот я сказала ему, что ухожу... Сегодня. Он усмехнулся и ответил, мол, да кому ты, кроме меня, нужна? А я не люблю, когда со мной так говорят. Я сказала Барону, что могу получить любого мужчину, какого только захочу. А он говорит: вперед.

– А ты? – спросил Филипп, заранее зная ответ.

– Ну, не сердись. Да, я подошла к тебе. Я огляделась по сторонам, и ты мне больше всех понравился. Ты стоял и так задумчиво пялился вверх. Барон даже рассмеялся и сказал, что ты молишься.

– Я фотографировал крышу, – буркнул Филипп. – Прикидывал, с какой стороны она будет красивее смотреться.

– Я же не знала, – девушка хрипло рассмеялась. – Я сказала ему, что выбираю тебя. Подошла. А дальше ты и сам все знаешь.

Волна черной злобы захлестнула Филиппа с головой. Эта тощая девка в грязной куртке, эта уродина, эта стерва подставила его! Она ведь ему даже не понравилась, он сфотографировал ее только для того, чтобы эта ненормальная побыстрее от него отвязалась! А она натравила на него своего монстрообразного приятеля со шрамом! Кто знает, как мог

закончиться этот день для Филиппа Меднова, если бы ему не удалось убежать? Может быть, он лежал бы сейчас в Склифе, обмотанный бинтами, словно мумия?

Видимо, все эти чувства были написаны на его лице, потому что девушка испуганно отшатнулась и захлопала длинными ресницами.

– Ну что ты разозлился? Ничего же не случилось. Все обошлось.

– Ага, обошлось! Из-за тебя меня едва не прикончили!

– Скажешь тоже, – примирительно улыбнулась она, – не стал бы он тебя убивать. В конце концов, ты не виноват.

– Конечно, не виноват! Ты мне даже не нравишься!

– Да ну? – ухмыльнулась она. – Ты мне, кстати, тоже. У тебя ресницы белесые, как у лабораторного кролика.

– С меня хватит! – Филипп вскочил и решительно направился к входной двери. Рванул с вешалки куртку, небрежно обмотал вокруг шеи клетчатый шарф, едва при этом не придушив самого себя. Она спокойно подождала, пока он оденется. А потом, лениво зевнув, объявила:

– Не советую тебе это делать. Барон у подъезда. С ним еще трое. Тебя ждут.

Он замер на пороге.

– Раздевайся, будем пить чай. Не сердись. Я пошутила, ты на самом деле очень симпатичный, просто не в моем вкусе. Не волнуйся, сюда он не поднимется. Ну что же ты, давай. Я нашла в холодильнике варенье...

А через несколько минут они уже пили безвкусный жидкий чай с коньяком, болтая, словно старые друзья. У нее был удивительный талант мгновенно «разрядить» обстановку. Еще пару минут назад Филипп был готов уйти от этой хамки не оглядываясь. Но ее взгляд, ее улыбка сделали так, что он уже сам сетовал на свою обидчивость.

Они познакомились. Она назвала свое имя – Азия, и он снова ей не поверил.

Он рассказал ей, что учится во ВГИКе. Она индифферентно пожала плечами, но он-то видел, что эта информация произвела на нее должное впечатление. Позже она призналась, что три раза проваливалась во ВГИК. Хотела стать актрисой, но ей сказали, что на пленке она «теряется». Это было правдой – потом Филипп имел возможность в этом убедиться. В итоге Азия так никуда и не поступила. «А зачем время тратить? Такой уж я человек – или все, или ничего!»

– Хочешь, покажу тебе свои фотографии? – предложила она и, не дожидаясь его ответа, приволокла из комнаты распухшую коробку из-под обуви, полную разнокалиберных снимков.

– Много у тебя фотографий.

– Обожаю свое лицо, – задумчиво призналась она. – Иногда я часами смотрю на себя в зеркало. Мои глаза, мои губы, мои волосы на висках. Все это кажется мне совершенным. Я обожаю себя всю – от пальцев на ногах до мочек ушей. Наверное, тебе смешно это слышать?

– Почему же, – соврал он, хотя ему действительно стало смешно. – Все девушки обожают вертеться перед зеркалом.

– По-моему, на фотографиях я феноменальна. Я могла бы стать первоклассной фотомodelью.

Это было одно из ее заблуждений насчет собственной персоны (еще Азии казалось, что она гениальная певица и талантливая актриса). Филипп понял это уже потом, когда они вместе рассматривали готовые снимки. Азия хлопала в ладоши и восхищалась собственным замершим лицом, Филипп с ней не спорил, но про себя думал, что на фотографиях она выглядит заморышем. Пленка не передавала и сотой доли ее сексапильности, на снимках она смотрелась страшненьким подростком.

Неожиданно ему стало ее жалко. Они сидели на полу, вокруг были разбросаны ее фотографии. Азия улыбается, Азия серьезная, Азия в дурацкой белой панаме на морском берегу... Она сидела совсем близко, обняв грязными ручонками тощие коленки, она была такой некрасивой и так самой себе нравилась.

– У тебя... красивая шея, – выпалил вдруг Филипп, желая сделать ей приятное.

Она изумленно на него уставилась.

– Шея? Такого мне не говорили никогда. Говорили, что руки музыкальные. Говорили, что пронизывающий взгляд. Что красивая грудь...

Он постарался скрыть усмешку. Ему казалось, что у Азии

вообще не было груди.

– Хочешь посмотреть? – Она взглянула на него с такой будничной улыбкой, словно предлагала ему еще одну чашечку чаю.

– На что? – оторопел он.

– Как на что? На мою грудь, конечно.

Вообще-то, он не хотел. Она была не в его вкусе. Он сомневался, что созерцание ее отсутствующей груди и то, что, по логике, должно за этим созерцанием последовать, доставит ему хоть какое-нибудь удовольствие. Но... У нее в квартире было зябко, а под окнами ждал чрезмерно ревнивый Барон, с которым встречаться Филиппу отчего-то не хотелось. От теплого чая клонило в сон, от коньяка приятно кружилась голова. И потом – делать-то все равно было нечего. И девочка, похоже, крепко на него запала. Во всяком случае, так ему подумалось в тот момент. Поэтому Филипп украсил лицо самодовольной улыбкой соблазнителя – именно так улыбался он хорошеньким вгиковским блондиночкам – и, слегка понизив голос, произнес:

– Ты еще сомневаешься? Конечно хочу.

– Ладно, – она спокойно улыбнулась и совершенно беззастенчиво стянула через голову свитерок. Потом посмотрела на него и улыбнулась, причем в улыбке этой не было ни смущения, ни кокетства. Просто улыбнулась – и все. Словно она была профессиональной стриптизеркой и каждый день оголялась перед незнакомыми мужчинами. – Ну как?

Грудь у нее была, как у инопланетянки из комикса, – Филипп никогда *такого* не видел. Собственно, самой груди, как ему и показалось изначально, не было. Не было приятных округлостей, такому бюсту был бы великоват даже бюстгальтер нулевого размера. Зато соски ее выглядели так, словно она успела вскормить тройню. Они были огромными, круглыми и сильно выдающимися вперед – словно спелые темные вишни. Эти вишни казались приклеенными к ее плоскому, как у десятилетнего пацана, торсу.

Уродство, как и красота, притягивает взгляд. Филипп смотрел на эту грудь как замороженный – и не мог понять, нравятся ему приклеенные вишенки или кажутся возмутительно неэстетичными. Азия же самодовольно расправила плечи. Ей явно было прекрасно известно, какое впечатление производит ее «инопланетянская» грудь на мужчин.

– Я знаю, что это выглядит... хм, нестандартно.

Ему показалось, что она немного смутилась. Но впечатление это было обманчивым. Потом он неоднократно убедится в том, что Азия просто не умеет краснеть и чувство неловкости ей не знакомо.

– Я никогда такого раньше не видел, – это все, что он сумел пробормотать, прежде чем потянулся к вишенке.

От Азии приятно пахло корицей и какими-то незнакомыми ему пряностями. На первый взгляд она не выглядела холодной девушкой – той, что полжизни проводит в пенной ванне, той, что за две недели записывается к модному стили-

сту и навешает педикюршу каждую неделю. Да и стоило ли ожидать такой прыти от девчонки, которая носит откровенно грязную рокерскую куртку и, похоже, не знает, что такое расческа... Но тело у Азии было холеным, как у кинозвезды. Абсолютно гладкая смугловатая кожа – ни одного прыщика, ни одного лишнего волоска; ногти на ногах – аккуратно подпилены и выкрашены в роковой темно-розовый цвет. К тому же у нее был лысый, как у дошкольницы, лобок. Филипп сначала удивленно на него уставился – никто из его знакомых девушек не брил лобок, по крайней мере, зимой. Интимная эпиляция вошла в моду только в конце девяностых.

– Не волнуйся, это не болезнь, – она захихикала – настолько глупый был у него в тот момент вид. – Я давно удаляю их воском. Больно, конечно, но дело того стоит. Сам убедишься.

Она разговаривала с ним, как с подружкой, – и это, как ни странно, его завело. Обычно девчонки начинали кокетничать – плотно сжимали ноги, не давая его ищущей ладони продвинуться дальше положенного, возмущенно его отталкивали, а некоторые даже демонстративно пускали слезу, талантливо оплакивая свою якобы невинность. Притом Филипп ни разу не встречал ни одной настоящей девственницы. Ох уж эта излюбленная женская игра в «дам – не дам»!

Когда он протянул к ней руку, Азия, немного отстранившись, предупредила:

– Осторожно! У меня там колечко.

– Что? – Он, готовый поплыть по течению, уже плохо воспринимал информацию извне.

Она ничего не ответила, просто раздвинула ноги и с улыбкой ждала его реакции. Похоже, ей нравилось эпатировать мужчин. Он взглянул и обомлел – там, в устричной розовой мякоти, тускло блестело крошечное серебряное колечко. Он осторожно потрогал сережку пальцем, Азия глухо хохотнула и шепнула:

– Ты что? Щекотно же.

Должно быть, в тот момент и началась новая жизнь фотографа Филиппа Меднова. Та жизнь, неизменными атрибутами которой через несколько лет станут дорогой парик и спрятанная в рюкзаке компактная коробочка с гримом. Только сам он пока об этом не догадывался.

Ева была обречена. Она бездумно шла по Ленинскому проспекту. Иногда машинально останавливалась возле витрин (например, заметив в одной из них потрясающую красную кожаную юбку мини). Но затем одергивала себя и мрачно брела дальше. Все эти женские штучки – шмотки, побрякушки, флакончики, – все это часть ее прошлого. А будущее у Евы нет. Ее будущее – это мокрый асфальт и мимолетная вспышка боли перед угасанием навсегда. Впору бы о вечности подумать, а не о юбке, едва прикрывающей причинные места. О боге, в которого она не слишком-то верила. О том, что она в жизни своей короткой успела сделать хорошего и

плохого, хотя и так понятно, что ничего особенного она не сделала. Не было у нее на это ни времени, ни сил, ни материальных средств.

Как назло, последний вечер ее никчемной короткой жизни был отвратительно холодным и слякотным. Зимний ветер бесцеремонно швырял ей в лицо охапки колючей мороси. Ева досадливо жмурилась и натягивала на голову капюшон, а подбородок и нос прятала в старенький, бабушкой связанный полосатый шарф. Эх, даже в этом ей не повезло. Хотя, наверное, еще обиднее умирать в роскошный день, весенний и теплый, когда обезумевшие солнечные зайчики щекочут лицо, а столичные модницы, словно сговорившись, облачаются в мини-юбки и куда-то весело спешат, отстукивая задорную чечетку высокими каблуками...

Наконец Ева решилась. Неуверенно подошла к обочине, остановилась.

Через несколько минут над ее головой полыхнут фары незнакомого автомобиля и...

Никто не узнает даже ее имени – в сумке Евы не было никаких документов. Этим утром она порвала свой паспорт надвое и спустила обрывки в унитаз. Зачем лишний раз волновать родственников, оставшихся в далеком провинциальном городишке? Измученная непосильной двухсменкой мать. Старенькая бабушка, безразличная ко всему, кроме многочисленных телешоу. Две младшие сестренки-кокетки.

Пусть лучше думают, что Ева затерялась в огромном го-

роде. Нашла высокооплачиваемую работу, и теперь у нее даже нет времени на телефонный звонок. Или удачно вышла замуж и постеснялась знакомить столичного кавалера с провинциальными родственничками.

Пусть ее похоронят за государственный счет, в общей могиле, как неопознанную. Неопознанный, блуждающий по городу объект.

– Девушка, можно с вами познакомиться? – Ее путь преградил маргинального вида румяный мордоворот, одетый, как новый русский из анекдота середины девяностых. Небрежно распахнутый малиновый пиджак (и это несмотря на атакующий сверху снег!), белоснежные кроссовки. Бычью шею опоясывала нереальной толщины золотая цепь (наверное, по подобной выхаживал сказочный кот) – явно фальшивая.

Ева вздохнула. Бедный, он не знал, что малиновые пиджаки давно вышли из новорусской моды. Сейчас те, на кого он так отчаянно хочет быть похожим, носят черные кожаные куртки и темные очки – даже зимней ночью.

– Извините, – почему-то прошептала она. – Я лучше пойду. Понимаете, у меня дела...

Он явно не понимал.

– Какие могут быть дела у красивой девушки ночью? – оскалился он, продемонстрировав тускло блеснувший в свете фонаря золотой зуб. – Пойдем со мной, и я решу все твои проблемы. Что тебе хочется?

«Красивый гроб с кружевными подушками и местечко на пригородном кладбище. Чтобы не в общей могиле!» – хотела ответить она, но постеснялась его пугать. А вот «малиновый пиджак», похоже, стесняться не умел.

– Что задумалась? – заржал он. – Ну пойдем, я твоя золотая рыбка.

Ева внимательно посмотрела на него: на лоснящееся лицо, на щербатую улыбку, на фальшивое золото на его грязноватой шее – и неожиданно для себя выпалила:

– Да пошел ты!

Его лицо исказилось, золотой зуб блеснул и погас в исчезающей улыбке. В следующую секунду он сильно толкнул ее в грудь – так что Ева отлетела метра на полтора и плюхнулась в жидкую грязь. Редкие прохожие отпрянули, отвернулись и сделали вид, что ничего не произошло, что они и не заметили толстомордого хулигана, напавшего на худенькую, бедно одетую девчонку.

– Слышь, ты, дурища, – прошипел он, низко наклонившись к ее лицу, и из его щербатого рта зловонно пахло смесью чеснока, пива, вяленой рыбы и хрена. – Ты так со мною не шути! У меня и нож может оказаться, поняла?

Ева поняла только одно – он пьян. Услышав про нож, она хотела было извиниться – сработал инстинкт самосохранения. Но вовремя одумалась – какой инстинкт самосохранения может быть у человека, которому жить осталось десять, ну, максимум, пятнадцать минут? Может быть, так даже луч-

ше будет. Ей ничего не придется делать самой, не придется с замершим дыханием поджидать какой-нибудь автомобиль, не придется с замиранием сердца подкрадываться к обочине и делать последний решительный шаг навстречу темноте и боли.

– Давай! – Она одним порывистым движением распахнула свою тоненькую куртку. – Доставай свой нож!

Мордоворот попятился.

– Дура, что ли? – неуверенно поинтересовался он.

– Ну, пожалуйста! – Ева сама себя не узнавала. – Пожалуйста, напади на меня! Ну, что тебе стоит, у тебя ведь нож есть, сам сказал!

Детина все пятился и, кажется, даже попробовал перекреститься. А Еве уже все было нипочем. Она поднялась с земли, выпрямилась. Ветер трепал ее распущенные по плечам волосы, красные мокрые руки чуть ли не по локоть торчали из рукавов дешевой куцей куртки, простые джинсы с вытянутыми коленками были заляпаны грязной жижей.

– Значит, слабо, да? – усмехнулась она. – Я так и подумала. Катись отсюда, донжуан! Катись, пока я... – Она не успела договорить. Толстяк уже ее не слушал: он развернулся и со скоростью спринтера-олимпийца бросился по Ленинскому проспекту, в сторону Октябрьской площади. Отбежав на безопасное, как ему казалось, расстояние, он обернулся и, перед тем как навсегда раствориться в сумраке вечерних улиц, визгливо крикнул:

– Вот дура!

Ева рассмеялась ему вслед. «Здорово я его напугала! – подумала она, продолжая свой путь. – Видимо, есть в человеке, который живет последние свои минуты, какая-то внутренняя сила!»

Как ни странно, у нее поднялось настроение. Она даже как будто немного согрелась. А может быть, просто перестала обращать внимание на ветер и дождь. И самое удивительное – страх смерти испарился, как утренний туман! «Сейчас, сейчас! Хватит медлить, хватит тянуть кота за хвост! Я сделаю это прямо сейчас!»

Она вышла на краешек проезжей части, словно такси собиралась останавливать. Несколько секунд ждала, вглядываясь вдаль. На вечернем проспекте было совсем мало машин. Несколько Ева пропустила – «Скорую помощь» (еще не хватало, чтобы ее тут же реанимировали заботливые врачи), симпатичную ухоженную «Шкоду», за рулем которой – она разглядела – сидела совсем молоденькая девчонка (слишком сильный стресс для особи женского пола), и старый раздолбанный «жигуль» (а кому, скажите, охота быть погребенным под грудой ржавого железа?! Нет, если уж умирать, то с шиком!). Наконец она выбрала подходящий автомобиль – красную «Мазду», приземистую и вытянутую, как стрела. За рулем – немолодой импозантный брюнет, похожий на героя латиноамериканского сериала.

Ева напружинила ноги, глубоко вздохнула, словно пловец

перед прыжком в воду, и, зажмурившись, с отчаянным криком бросилась вперед.

... Филипп медленно ехал по Ленинскому проспекту в сторону центра. После такого насыщенного дня он чувствовал себя как выжатый лимон. Остановившиеся часы, записка на лобовом стекле, фотосессия в журнале, встреча с клиентом, человек в длинном плаще... Может быть, все они энергетические вампиры?

Нет, скорее дело в другом. Он опять сам же наступил на собственную больную мозоль. Начал зачем-то вспоминать *о ней*. Азия... Его кошмар, его вечно кровоточащая рана. Никогда она его не отпустит, не угомонится никогда. Бедовая, красивая, отчаянная, смелая, наглая, сексуальная, неведущая... Да что же это такое – стоит ему представить ее лицо, как руки дрожать начинают!

В лобовое стекло назойливо стучался дождь, асфальт блестел, как елочная игрушка, – Филипп еле-еле различал дорогу. Хрипло трещало радио, неестественно оптимистичный диджей призывал всех слушать какую-то навязчивую примитивную мелодию. Несмотря на то что когда-то Филипп отвалил кругленькую сумму за свою спортивную алую «Мазду», он так и не успел приобрести хорошую автомагнитолу. Как-то все было недосуг. Любой эстет скривился бы в презрительной усмешке, услышав эти хрипы. Старенький радиоприемник смотрелся диковато на фоне обтянутых белоснеж-

ной кожей пижонских кресел.

Филипп почти не смотрел на дорогу. Ему хотелось домой, он устал. В очередной раз рванувшись вперед со светофора, он не обратил внимания на мелькнувшую сбоку тень. Еще мгновение – и глухой удар заставил его резко откинуться в кресле и инстинктивно надавить на педаль тормоза. Было скользко, машину занесло в сторону. Филипп посмотрел вперед и побледнел под гримом – на капоте лежал какой-то инородный предмет, темный и большой.

...Бывает же такое. Живут два человека – настолько разных, что и поговорить им вроде бы не о чем. Он – богатый и независимый, гордый обладатель пижонской спортивной машины «Мазда». Носит преимущественно пиджаки от «Хьюго Босс», любит виски «Джек Дэниэлс», коллекционный белый чай, боулинг и не так давно вошедший в моду гольф. И она – студентка сомнительно престижного учебного заведения, отчисленная к тому же за неуспеваемость. Имеет три смены белья, два свитера и одни полуразвалившиеся ботинки, явно не выдерживающие конкуренции с промозглой московской осенью. Не отличает вкус элитного коньяка, не знает, где именно находятся Сейшельские острова, где он, к слову, предпочитает отдыхать. Они бы никогда не встретились. А если бы и встретились случайно, то он и не взглянул бы в ее сторону. Он ведь, как и большинство снобов, привередлив, и среди его «герлфренд» – томные фотомодели да моло-

дые грудастые дипломницы театральных вузов. Словом, они жили по разные стороны баррикад.

К тому же красавицей она не была. Многие говорили, что есть в ней что-то. Кожа гладкая, словно выбеленная, ни единого прыщика – даже румянца нет. Взгляд глубокий, с грустинкой. Темно-каштановые волосы уложены гладкой волной. Брови точно черным карандашом прорисованы, а ведь она их даже не выщипывала. И все-таки не светил ей оглушительный успех в мужской компании. Достоинства ее были незаметны. А вот на него незнакомки на улице оборачивались. Улыбались ему загадочно, и зря – потому что такие, как он, пренебрегают уличными знакомствами. Они никогда бы не встретились. Но случается нечто – и вот они уже глупо барахтаются в одной и той же паутине. И не деться им друг от друга никуда.

Глава 3

Девушка открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на ближайшем к ней предмете. Предметом этим оказалось взволнованное мужское лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.